

ПАОЛО
СОРРЕНТИНО

ПРАВЫ ВСЕ

роман

18+

ПРЕДИСЛОВИЕ АНТОНА ДОЛИНА

Паоло Соррентино

Правы все

ИД «Городец»

2010

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Соррентино П.

Права все / П. Соррентино — ИД «Городец», 2010

ISBN 978-5-907483-19-4

«Права все» (2010) – первый роман знаменитого итальянского кинорежиссера Паоло Соррентино. Центральный персонаж романа, поп-певец Тони Пагода, пытается сбежать из родного Неаполя и изобрести себя заново в далекой Бразилии. Однако и там героя ждут призраки родной Италии, заставляющие его пересмотреть свои планы на жизнь. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-907483-19-4

© Соррентино П., 2010

© ИД «Городец», 2010

Содержание

Под маской	6
Предисловие	9
1	12
2	19
3	22
4	29
5	36
Первый урок соблазнения	41
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Паоло Соррентино

Права все

Моей маме, которая именно так и думала

*Однажды вы опускаете руки, смиряетесь, и все даже посреди хаоса
сменяет одно другое с неумолимой определенностью.*

ГЕНРИ МИЛЛЕР¹

Copyright © 2010 Giangiacomo Feltrinelli Editore, Milano

First published as Hanno tutti ragione by Paolo Sorrentino in March 2010 in «I Narratori» by
Giangiacomo Feltrinelli Editore, Milano Italy

© А. Ямпольская, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, 2022

Под маской

Штрихи к портрету Паоло Соррентино

Когда книга еще только началась, а читатель не успел опомниться и привыкнуть к потоку мыслей, эмоций, воспоминаний и мизантропических максим его героя – неаполитанского поп-певца Тони Пагоды, – тот внезапно решает прервать свой и без того беспорядочный рассказ, чтобы преподать нам «первый урок соблазнения» (это одна из многочисленных обманок романа – никакого второго урока не предвидится). «У вас в запасе одно оружие – зато такое крутое и мощное, что горы сдвинет. Это оружие – слово, – сообщает он, добавляя чуть ниже: – Двигатель соблазнения – блеф».

Паоло Соррентино соблазняет нас своими фильмами и текстами, заговаривает и даже забалтывает потоком сознания, плавно перетекающим в поток бессознательного, и, конечно, при этом блефует, выдавая демонстративное презрение к форме за особенно изысканную форму. А иногда наоборот. Но эта стратегия неизменно работает. Ошарашенная публика даже не успевает поймать автора на слове и осознать, что весь он состоит из внутренних противоречий. Или, скажем иначе, парадоксов, лучших друзей гения.

Взять для примера название дебютного романа Соррентино: «Права все». Это утверждение – выдержка из монолога второстепенного персонажа, который появляется в самом финале, и уж точно она не выражает точку зрения Тони П.: недаром тот во вступлении признается, что его бесит всё, а больше всего – он сам. Сам Соррентино тоже бесит не меньшее количество людей, чем тех, кого восхищает. Одни видят в нем крупнейший талант, появившийся в Италии со времен смерти Феллини, другие – ловкого мошенника, научившегося имитировать Феллини. Режиссер охотно признает это влияние: например, в последнем на момент написания этого предисловия своем фильме (и самом признанном – как-никак Гран-при Венецианского фестиваля), снятой для Netflix автобиографической «Руке бога» (2021), отправляет старшего брата своего альтер эго на кастинг к Феллини. Голос мэтра даже звучит за кадром... Но сам Соррентино при этом своим ментором объявляет вовсе не известного большинству Антонио Капуано, у которого и вправду учился, вместе с которым делал свои первые шаги в искусстве. В конце «Права все» ему (в отличие от Феллини) вынесена отдельная благодарность.

Соррентино – ускользающий режиссер, прячущий за потоком слов и образов подлинную боль, страсть, жизнь. За это умение его и любят, и ненавидят.

Называя свой фильм «Молодость» (2015) и ставя на его постер юную обнаженную женщину ослепительной красоты (женская нагота – любимый фетиш Соррентино, столь непривычный в нынешнем осторожничающем мире), главными героями он делает двух мало на что способных стариков, доживающих финальные годы в швейцарском санатории. Когда Соррентино публикует «Права все», ему сорок лет, его герою на первых страницах – уже сорок четыре, и время для него течет неумолимо: страх бессилия, забвения и смерти овладевает им под Новый год, когда группа Тони Пагоды поздравляет свою публику с эстрады... к финалу герою уже 75, его конец близок. Да что там, герои абсолютно всех фильмов и книг Соррентино старше его самого. Кроме разве что вымышленного понтифика Пия XIII в исполнении нестареющего Джуда Лоу. Да и того на ватиканском престоле в «Новом папе» (2020) сменил Иоанн Павел III – респектабельный Джон Малкович.

Понтифики, политики, мафиози, певцы, композиторы. За каждым из них – сам Соррентино. Но он отлично спрятался. Самое личное, болезненное, уязвимое режиссер привычно скрывает за гротеском и маской. Раз уж упомянута Венеция, где началась профессиональная

карьера и слава Соррентино (его дебютный «Лишний человек» в 2001 году был показан там), куда он перенес финал «Молодого папы» и где был увенчан за «Руку бога», как не вспомнить о комедии дель арте, венецианской драматургии масок?

Тони Сервилло, любимый артист и близкий друг Соррентино, которого тот называет «старшим братом» (разница в возрасте – 11 лет), на театральной сцене прославился в качестве эксперта по дель арте, ставил Гольдони как режиссер и исполнял его как актер. Само его лицо, одновременно узнаваемое и пластичное, работает как маска – в пронзительных «Последствиях любви» (2004), где он играет влюбившегося, на свою беду, бухгалтера мафии, типичного «человека в футляре», в язвительных и сюрреалистичных политических фильмах – «Изумительном» (2008), где он преобразуется в экс-премьер-министра Джулио Андреотти, и «Лоро» (2018), где становится убедительным Сильвио Берлускони. Наконец, в обретшей заслуженную культовую славу оскароносной «Великой красоте» (2013), где за вальяжной манерой бывшего светского журналиста Джепа Гамбарделлы скрыты травмы юности.

В «Лишнем человеке» сотрудничество Соррентино и Сервилло началось. Там артист, в те годы почти не снимавшийся в кино и известный больше по театральным работам, играл одного из двух однофамильцев-двойников – нарциссичного поп-певца Тони Пизаппа (второй был футболистом-неудачником), чью карьеру разрушал секс-скандал. Из этого незабываемого персонажа и вылупился герой-рассказчик романа «Права все» и его сиквела, вышедшего год спустя сборника новелл «Тони Пагода и его друзья». Аудиокнигу «Права все» тоже записывал Сервилло. Он среди тех, кому Соррентино посвятил свой литературный дебют: «Его физиономия в очках «Рэй-Бэн» с голубыми стеклами и рыжий парик служили мне ориентиром при создании Тони Пагоды».

Почему именно певец? Возможно представить себе еще одно вымышленное амплу из непрожитой жизни – футболиста; поп-музыка и футбол – две главные страсти Соррентино. Но если футбол в его глазах – искусство божественное (первым вдохновившим его гением режиссер не раз называл Диего Марадону), то низменные и сентиментальные шлягеры постмодернист Соррентино с большим удовольствием и охотой уподобляет тому кинематографу, которым он увлечен. Кстати, он сам в «Лишнем человеке» был соавтором хитов, исполненных со сцены и экрана блистательным Тони Пизаппа; неслучайные отсылки к ним есть и в романе «Права все». Блеск и нищета, авансцена и закулисы, неуязвимый образ и скрытые под гримом раны. В них ключ и к фанфаронству, и к трогательности искусства Соррентино.

Как не вспомнить еще один фильм режиссера – быть может, самый недооцененный, его первый англоязычный экзерсис «Где бы ты ни был» (2011), совпавший по времени выхода с книгой. Шон Пенн играет там Чейена – всемирно известную рок-звезду, чье лицо всегда скрыто за густым гримом (Соррентино вдохновлялся Робертом Смитом из *The Cure*). После смерти отца, с которым он не был близок, герой отправляется на поиски его палача – нациста из концлагеря, ныне скрывающегося в США. Разумеется, эта одиссея – путь к себе, к первому за взрослую жизнь шансу наконец-то смыть прилипший грим, ставший вторым лицом.

Таковую же дистанцию проходит сам Паоло Соррентино, после пятидесятилетия приступая к «Руке бога» – картине, которую он, по собственному признанию, постоянно оттягивал, как поход к дантисту, и осмелился осуществить только после своего пятидесятилетия. Снимая маску и передоверяя вечному Сервилло роль своего отца, он делает фильм о своей молодости, уже без кавычек. Впервые обходится практически без закадровой музыки, всегда служившей удобным покровом для подлинных чувств. И рассказывает без обвиняков о трагическом факте своей биографии, из которого родился его уклончиво откровенный, болезненно красивый, хаотично-формалистичный кинематограф: одновременной гибели обоих родителей.

«Права все» написан на этапе, когда Соррентино еще не готов к этой финальной честности. Тони Пагода – его персональный эскейп. А для самого Тони, балансирующего на грани нервного срыва, стратегией эскейпа становится внезапный побег из успешной, суматошной и

несчастливой жизни в Италии в далекую невероятную Бразилию, где (если верить ненадежному рассказчику) обитают самые красивые в мире женщины и самые гигантские тараканы. Но, уехав, он все равно вынужден вернуться, хоть и спустя целую вечность. Как возвращается домой Чейен. Как в конечном счете возвращается к своему детству сам Паоло Соррентино.

Забираясь в глубь этой матрешки, разоблачая – как водится, не без слез, – эту луковицу, непременно доберешься до сердцевины. В «Права все» это скрытая за показным цинизмом трагическая история первой и важнейшей любви Тони – его Беатриче (итальянец, берясь за перо, не может сбежать из-под тени Данте). И, конечно, гротескный, но вместе с тем трогательный сюжет с летучей мышью и потерей невинности в объятиях немолодой баронессы: этот мемуар, по всей видимости, правдив, поскольку с похвальной точностью воспроизведен в открыто автобиографической «Руке бога». Что до Беатриче, то мы не узнаем, была ли она на самом деле. Возможно, именно она – тот самый прекрасный образ из прошлого (и единственного романа!) Джепа Гамбарделлы, героя «Великой красоты».

Этот бонвиван и скептик – самый популярный из героев-масок Соррентино и Сервилло – будто оживший дух Рима. Но Гамбарделла, как и сам режиссер, родом не отсюда. Осиротев и твердо решив посвятить жизнь кинематографу, Соррентино покинул родной Неаполь и уехал в Рим, о котором и снял прославившие его фильмы. Восхищенный взгляд провинциала-южанина помог найти точную оптику для разговора о Вечном городе, где в воздухе днем и ночью носится смертоносный синдром Стендаля. В Риме заканчивается и действие «Права все». Но величественная колыбель цивилизации – еще одно умело выбранное прикрытие, чтобы заслонить от нескромных взглядов посторонних очертания Везувия, бесконечно тянущуюся береговую линию, узкие улочки, аромат и вкус воспетога в этом романе и двух фильмах режиссера – дебютном «Лишнем человеке» и итоговой «Руке бога», – Неаполя.

Как говорит один из персонажей книги, «здесь нет места для плоского, здесь выживает только объемное, только оно имеет значение» (спор, впрочем, идет о преимуществах закрытой пиццы «Кальционе» перед «Маргаритой»). Это – отправная точка для всех путешествий: на райский Капри или куда подальше. Теплое море Неаполя смывает все наносное, искусственное и случайное, оставляя место для детской открытости, влюбленности и мечты, которые и создают магию фильмов и текстов Паоло Соррентино.

Антон Долин

Предисловие

маэстро Миммо Ренетто

(написано на рассвете дня, когда ему исполнилось сто лет)

У всего, что меня бесит, есть название.

Меня бесят старики. С капающей слюной. Вечно ноющие. Беспольные.

Если они пытаются быть полезными – еще хуже. Меня бесит то, что старики зависят от других.

Бесят звуки, которые они издают. Всякие, повторяющиеся. То, что они обожают сочинять истории.

Истории, в которых они на белом коне. Всех, кто моложе, они презирают.

Впрочем, те, кто моложе, меня тоже бесят.

Меня бесит, когда старики скандалят и требуют уступить им место в автобусе.

Меня бесят молодые. Наглые. Хвастающиеся силой и молодостью.

Строят из себя непобедимых героев, это просто смешно.

Меня бесят молодые нахалы, которые не уступают старикам место в автобусе.

Меня бесят хулиганы. Которые противно ржут безо всякого повода.

И презирают всех, кто на них не похож. Но еще сильнее меня бесят хорошие, ответственные, вежливые ребята. Которые с утра до вечера заботятся о других или молятся. В их сердцах и головах осталось место для двух вещей – добрых поступков и смерти.

Меня бесят капризные, самовлюбленные детки и их помешанные, зацикленные на отпрысках родители. Бесит, когда дети орут и рыдают. Тихонь я побаиваюсь, поэтому они меня тоже бесят. Меня бесят занятые и безработные, бесит, когда безработные старательно всем показывают, что Господь их обделил.

При чем тут Господь? Нечего сидеть сложа руки.

А разве не бесят те, кто все время борется, отстаивает свои права, ходит по митингам, а у самих из-под мышек воняет? Бесят, да еще как.

Меня бесят менеджеры. Вряд ли нужно объяснять почему. Бесят мещане, спрятавшиеся в своем душном мирке, как улитка в раковине. В их жизни главное – страх. Страх всего, что в эту раковину не влезает. Поэтому все они снобы, хотя и не знают значения этого слова.

Меня бесят влюбленные парни, потому что они всем мешают.

Бесят влюбленные девчонки, потому что они вечно лезут куда не надо.

Бесят люди с широкими взглядами, толерантные, без предрассудков.

Такие правильные. Такие безупречные. Такие идеальные.

Можно все, нельзя только убивать.

Ты их критикуешь, а они благодарны за критику. Ты их презираешь, а они растроганно благодарят. Вечно ставят тебя в неловкое положение.

Потому что они объявили злости бойкот.

Такие не могут не бесить.

Они спрашивают «Как дела?» и на самом деле хотят это знать. Неожиданно. Прикрываются бескорыстным интересом, но тайком точат нож.

Еще меня бесят те, кто никогда не создает неудобств. Все из себя послушные, верные, надежные. Преданные подлизы.

Меня бесят любители играть на бильярде, бесят прозвища, бесят нерешительные и некурящие, смог и чистый воздух, торговые представители, пицца на развес, принятые условности, круассаны с шоколадом, костры, биржевые маклеры, обои в цветочек, честная и справедливая торговля, беспорядок, защитники природы, гражданская ответственность, кошки, мышки, безалкогольные напитки, неожиданные телефонные звонки, долгие телефонные разговоры, те, кто утверждает, что полезно выпивать бокал вина каждый день, те, кто притворяется, будто забыли, как тебя зовут, те, кто оправдывается, выдавая себя за специалистов, одноклассники, которые спустя тридцать лет встречаются тебя на улице и называют по фамилии, старики, которые непременно напомнят, что сражались в Сопротивлении, молодые с пустым кошельком, которым нечем заняться и которые открывают художественные галереи, бывшие коммунисты, которые обожают бразильскую музыку, отцветшие красотки, которые с придыханием говорят «волшебно», модники, которые твердят «офигенно» и «круто», жеманники, которые восклицают «миленько, симпатичненько, чудесненько», экуменисты, которые ко всем обращаются «возлюбленный брат», дамочки, которые шепчут «я тебя обожаю», счастливицы, умеющие играть на слух, те, кто делает вид, что не слышат, когда ты к ним обращаешься, высокомерные типы, которые всех осуждают, феминистки, те, кто ездит на работу на электричке, заменитель сахара, стилисты, режиссеры, автомагнитолы, танцовщики, политики, лыжные ботинки, подростки, замы важных начальников, рифмы, состарившиеся рок-певцы в облегающих джинсах, спесивцы, нагоняющие скуку писатели, родственники, цветы, блондины, поклонны, полочки, интеллектуалы, уличные артисты, медузы, волшебники, ВИПы, насильники, педофилы, все цирковые, деятели культуры, соцработники, развлечения, любители животных, галстуки, фальшивый смех, провинциалы, катера на подводных крыльях, коллекционеры всего на свете, особенно те, кто собирает часы, любое хобби, врачи, пациенты, джаз, реклама, детские конструкторы, мамы, фанаты баскетбола, все актеры и все актрисы, видеоарт, луна-парки, экспериментаторы всех мастей, супы, современное искусство, сидящие у себя в мастерских пожилые ремесленники, гитаристы-самоучки, памятники на площадях, необходимость целовать ручку, салоны красоты, смазливые философы, бассейны с избытком хлорки, водоросли, воров, анорексички, отпуск, любовные письма, прелаты и служки, лекарства в свечках, этническая музыка, липовые революционеры, моллюски, мишки панда, акне, барабанщики, душ со шторкой, странные прихоти, мозоли, безделушки, родинки, вегетарианцы, пейзажисты, косметика, оперные певцы, парижане, водолазки, ресторанный музыка, праздники, собрания, квартиры с панорамным видом, заимствования из английского, неологизмы, папенькины сынки, дети актеров, дети богачей, чужие дети, музеи, мэры и все их советники, демонстранты, поэзия, колбасники, ювелиры, противоугонные устройства, цепочки из желтого золота, лидеры, люди из толпы, проститутки, низкорослые и дылды, похороны, волоски на теле, мобильники, бюрократия, инсталляции, автомобили независимо от объема двигателя, брелоки, барды, японцы, руководители, расисты и толерантные, слепые, облицовочный пластик, медь, латунь, бамбук, повара в телевизоре, толпа, автозагар, лобби, сленг, пятна, содержанки, рог изобилия, зайки, постаревшие молодые и молодежавые старички, снобы, радикальный шик, эстетическая хирургия, окружная дорога, растения, мокасины, сектанты, телеведущие, знать, запутавшиеся нитки, полуголые девицы на телеэкране, комики, игроки в гольф, научная фантастика, ветеринары, манекенщицы, политические беженцы, тупицы, ослепительно-белые пляжи, новые культы и их приверженцы, некачественный кафель, упрямы, профессиональные критики, парочки типа «он молод, она в годах» и наоборот, возрастные, все, кто носит шляпы, все, кто носит солнечные очки, солярий, пожар, браслеты, блатные, военные, азартные теннисисты, болельщики и фанаты, парфюм из ближайшего киоска, свадьбы, анекдоты, первое причастие, масоны, месса, свистуны, те, кто так и норовит внезапно запеть, те, кто все время рыгают, героинщики, благотворительные организации, кокаинщики, секс-туризм, туризм, все, кто ненавидят туризм и называют себя «путешественниками», те,

кто опирается на «собственный опыт», те, у кого нет опыта, но кому непременно нужно влезть в разговор, те, кто умеет жить, училки начальных классов, маниакальные любители собраний, всякие прочие маньяки, медсестры в сабо, ну почему все они носят сабо?

Меня бесят тихони, болтуны, те, кто строит из себя невесть что, растяпы, мечтатели, кривляки, позеры, психи, гении, отважные, самоуверенные, молчуны, храбрецы, задумчивые, спесивые, грубияны, прилежные, непредсказуемые, понимающие, внимательные, скромные, знатоки, увлекающиеся, напыщенные, восторженные, справедливые, не доводящие ничего до конца, замкнутые, юмористы, циники, боязливые, приземистые, скандалисты, зазнайки, флегматики, бахвалы, ломаки, жизнелюбы, мнительные, ленивые, неуверенные, сомневающиеся, разочарованные, впечатлительные, победители, скупердяи, сдавшиеся, всеми забытые, жеманные, нытики, жалобщики, капризули, избалованные, шумные, слащавые, резкие, все, кто легко сходится с людьми.

Меня бесят ностальгия, нормальность, злобедность, гиперактивность, булимия, любезность, меланхолия, печаль, ум и глупость, надменность, смирение, стыд, наглость, симпатия, двурушничество, наплевательство, превышение власти, неприкаянность, спортивный дух, добродушие, религиозность, упорство, любопытство и равнодушие, театральность, реальность, вина, минимализм, умеренность и неумность, неопределенность, фальшь, ответственность, безрассудство, возбуждение, мудрость, решительность, самовлюбленность, легкомыслие, корректность, сухость, серьезность и фривольность, помпезность, необходимость, человеческое убожество, сострадание, мрачность, предсказуемость, безответственность, вероломство, поспешность, темнота, пренебрежение, медлительность, посредственность, скорость, непредотвратимость, эксгибиционизм, энтузиазм, неряшливость, виртуозность, дилетантство, профессионализм, решимость, любовь к автомобилям, независимость, зависимость, элегантность и счастье.

Меня бесит всё и вся.

Даже я сам. Больше всего – я сам.

Не бесит только одно.

Оттенки.

1

*Отвези меня в Неаполь, гондольер!*²
ФРАНКО КАЛИФАНО

Мы это не сразу поняли, а ведь все произошло потому, что кое у кого, к несчастью, был талант. У меня!

Что тут сказать? Сидишь и убеждаешь себя: все отлично. Да ни фиги не отлично. Так не бывает. Здесь надо бы поставить точку вместо того, чтобы начинать рассказ, но нездоровое тщеславие уже мчится вперед, за ним не поспеть.

Хочется стать прозрачным, но и это вряд ли поможет.

Три позыва к рвоте и мелкие капельки холодного желтоватого пота, стекающие по низкому лбу, моему низкому лбу, низкому лбу Тони Пагоды, или Тони П., а еще сорок четыре насыщенных безумных года, которые я тащу за собой и которые не считаю, а если считаю, совсем хреново становится. Нам ведь охота оставаться молодыми всю жизнь, стареть – это вам не шутка. Какое там. Но все-таки историю под названием «жизнь» надо как-то прожить. Хоть как-то медленно съехать с горы.

В общем, я один из тех, кого любители навешивать дурацкие ярлыки называют «певец из ночного клуба». Но я вам не ярлык. Я человек.

Хотя, если задуматься, может, лучше быть ярлыком?

Я сижу и балдею в шикарной примерке размером с гостиную моей неаполитанской квартиры, вокруг красный бархат, у меня от него едет крыша. Сижу и жду начала главного концерта в моей блестящей карьере, которую, как известно, я тщательно строил шаг за шагом. Вообще-то я стою на коленях и пытаюсь удержать минералку, которая, того и гляди, рванет по пищеводу и выплеснется в тазик. Я перекрестился и сложил руки в молитве – пухлые, покрытые золотыми кольцами. Потные ладони прилипли друг к другу, словно магниты. Я весь мокрый, мокрый как мышь.

Молюсь, пытаюсь оживить далекие воспоминания о первом причастии, но ничего не помню, даже «Отче наш». Хотя, если нюхать кокаин каждый божий день на протяжении долгого времени, запросто лишишься памяти, да и не только памяти. А я двадцать лет без остановки балуюсь коксом. Потом, конечно, говорю себе, что это не так, мол, в городе, что спрятан у меня в голове, память – последний несдающийся житель; не признаю очевидное, занимаюсь самовнушением, заслоняю правду пыльной завесой. Удивляюсь, конечно, но как-то вяло. И вдруг понимаю: все совсем хреново.

Когда болит так, что сил нет терпеть, живот свело, вдруг замечаешь, что перед тобой на коленях стоит, обмякнув, твоя душа. Невидимый глазу памятник.

И все равно ни одну молитву ни фиги не вспомнить, куда там, зато я помню, как однажды заявил журналистке с шикарными сиськами:

– Если Синатре голос подарил сам Господь, то мне, человеку более скромному, его подарил святой Януарий³.

Прямо так и сказал.

Я тогда считал себя невесть кем, расхаживал задрав нос. Если сегодня концерт пройдет как надо, я его опять задеру.

² Из песни «Napoli» («Неаполь», 1994), авторы – Франко Калифано, Альберто Лауренти и Антонио Гаудино.

³ Святой Януарий – главный неаполитанский святой.

Пытаюсь подняться, но новый позыв к рвоте останавливает меня – так ковбой ловит быка на родео. Чувствую, что третий стакан джин-тоника движется вверх. Нет, никакого кокса, когда я пою. Пусть его нюхает Мик Джаггер – он вопит, бежит и вертит жопой, а мне надо петь, мне надо чувствовать, как сосочки языка вибрируют, словно барабаны, как дрожат голосовые связки, – они у меня вместо гитары. А мутит меня потому, что там, в зале, в величественном «Радио-сити мюзик-холле», раздавленный алкоголем и опытом, в первом ряду сидит сам Голос⁴ – он пришел послушать меня, неаполитанца, которого в Штатах никто не знает, зато в Италии, Германии, России, Испании, Бельгии, Голландии, Бразилии, Аргентине и Венесуэле мои диски разлетаются пулеметной очередью. Пулеметной очередью, я не вру.

Меня ждут. Чему я хорошо научился, так это заставлять себя ждать. Чую, я в этом деле достигну такого мастерства, что вообще перестану приходить. Но это уже другая история.

Аплодисменты пропитаны тоской по дому, типа спой нам «О соли мио»⁵ или «Монастырь Святой Клары»⁶: шестидесятилетние итало-американцы хлопают пустой сцене, ожидая триумфального появления. Чьего? Моего!

Я этих итало-американцев знаю как свои пять пальцев. У этих людей антенны ловят итальянское телевидение, они росли, наблюдая у родителей приступы тоски по родине. Таким, как они, можно доверять.

Мой бессменный пианист Рино Паппалардо громко зовет меня и колотит по двери гри-мерки крепкой рукой, в которой он сейчас сжимает красный коралловый рожок – защиту от сглаза. Пора.

– Уже иду, – шепчу я еле слышно, изучая свой голый, раздутый, волосатый живот. Бросаю в зеркало гордый взгляд, который сразил не одну девицу, и с тревогой замечаю, что, черт возьми, у карих глаз пролегли морщинки, – этого еще не хватало. Но все равно в моем взгляде одновременно есть хитринка и готовность подстраиваться, цинизм и романтика. Задерживаю дыхание, стараюсь избавиться от морщинок и припухлости. Результат не впечатляет. Разглаживаю шелковую рубашку, снова бросаю решительный взгляд в зеркало в раме из белых лампочек – величественный, как жрец, полный надежды на то, что все пройдет хорошо, – так уж я устроен, меня переполняют эмоции, страх, тревога и возбуждение.

Рино опять зовет и колотит в дверь.

– Иду, сестрички, иду! – отвечаю я.

И залпом выпиваю четвертый джин-тоник.

Мы шагаем по длинному коридору в свете неоновых ламп, выстраиваемся за кулисами – ни дать ни взять мэра города и его советники: сначала я, за мной – Рино Паппалардо, барабанщик Лелло Кóза, басист Джино Мартире, гитарист Титта Палумбо. Все в смокингах, сами на себя не похожие, потные от волнения, все с отвратительной мыслью, что эта площадка не для музыкантов нашего уровня.

В глубине души Титта наверняка думает, что мы даже ноты читать не умеем. Но только в глубине души. Успехом мы обязаны музыкальному уху.

– Вот бы проглотить «Баллантайнса», – шепчет Коза Мартире.

– А вдруг он в зале? – ехидно отвечает испуганный Мартире.

– Кто? – глухо переспрашивает Лелло Коза.

– Баллантайн. Ну, владелец фирмы, – объясняет Джино Мартире.

– Заткнитесь, – команду я. И все замолкают.

⁴ Голос – прозвище Фрэнка Синатры.

⁵ «O sole mio» («О мое солнце», 1898), автор текста – Джованни Капурро, автор музыки – Эдуардо ди Капуа.

⁶ «Munasterio 'e Santa Chiara» (1945), автор текста – Микеле Гальдери, автор музыки – Альберто Барберис.

– Четыре, – хрипло объявляет Лелло Коза и начинает медленнее, чем обычно, выбивать на барабанах четыре четверти. Но почти сразу набирает обычный темп. Я мрачно гляжу на него из-за кулис. Во время вступления, которое длится бесконечные двадцать четыре секунды, я с ужасом думаю, что зал куда больше, чем я его помнил, что у меня во рту скопилась слюна, слишком много слюны, пятнадцать секунд – и я вступаю, выхожу на сцену, даже меньше чем через пятнадцать секунд, к черту слюну, к черту слюну, испарись.

Давление у меня как у геккона: одиннадцать на сорок. Рожа бледная, как у средневекового мученика, – ладно, плевать. Я выхожу, как ягуар, типа «никого не замечаю». В том, как выходить на сцену, я мастер, архангел, могу настроичить трактат, памфлет... От аплодисментов у меня подрагивает нижняя челюсть, так должны хлопать второму пришествию, спасибо, Господи, что слюны уже меньше... Хватаю микрофон и улыбаюсь восторженной публике, которая воет от счастья, узнав «Поезд к морю».

Вступление закончилось, я запеваю. Пара признаний в любви – и итало-американцы взрываются бурными аплодисментами. Опять проклятая слюна, я сглатываю, отупев от волнения, но я их все равно поймею, как обычно: они просто дуреют от песен о любви, никто и не догадается, что... опять слюна, проклятая слюна.

Мозг взрывается с грохотом, как грохочут во время бури незакрытые ставни. Я ищу глазами Синатру в первом ряду и не нахожу, где же он, черт возьми? Неужели этот придурок не пришел?

Начинаю второй куплет с секундным опозданием, потом догоняю и более или менее прилично допеваю «Поезд к морю». Говорю: «Спасибо», «Thank you», – и тут вижу красную рожу Синатры. Давай, Тони, шепчу я сам себе, и Тони дает, звучит «Комета в сердце» – такая песня доведет до слез шведского серийного убийцу. Пара аккордов – и слушатели вне себя от восторга.

А я думаю: когда зал вне себя от восторга, жизнь похожа на елочную игрушку.

Теперь я бойко и гордо, как попугай из знаменитой телевикторины, поднимаюсь вверх, до безумно высокой ноты в припеве, которую не взять Диаманде Галас, стены зала дрожат, как арфа, на которой играет виртуоз, итало-американская публика хлопает, не жалея ладошек, на глаза у визгливых теток наворачиваются слезы. Тени и тушь расплываются, как нагревшийся маргарин. Всякий, кто хоть раз влюблялся, знает, как бешено колотится сердце. А кто хоть раз не влюблялся?

Тут уже Фрэнк Синатра в первом ряду поправляет габардиновые штаны, смеется и радуется мощному звуку. Радует, но сдержанно, Фрэнк привык себя контролировать, Фрэнк – это отдельная история, Фрэнка таким не удивишь, он-то прекрасно изучил карусель жизни внутри и снаружи, с лица и изнанки. Я смотрю на Фрэнка, наши взгляды встречаются, нас словно несет волна безграничного восхищения друг другом, коллеги коллегой.

Я на Олимпе, черт возьми, или, по крайней мере, попал в клан Синатры, думаю я.

Рай в двух шагах, я пою как бог, боже мой, я чувствую себя богом, я бог с зажмуренными глазами и запрокинутой головой. Если бы настоящий Бог это видел, он бы наверняка держал мне сейчас микрофон – мне, Тони Пагоде, или Тони П.

Так, словно чаплиновский Бродяга, с десяти до полуночи я прогуливаюсь под ручку с Господом Богом. По нью-йоркскому времени. На сцене «Радио-сити».

Пьяный в стельку Синатра не спит. Не только не спит, но даже не клюет носом. В наших краях это называется достижением. Чего уж скрывать.

А у меня в голове кружатся вихрем ноты, мелодии, синкопированные мысли. Я понимаю, что, если сейчас не выдам по полной, когда еще представится случай...

Пою «То, что осталось» и убеждаюсь: я – парень с яйцами.

Разливаю в воздухе «Однажды она вспомнит обо мне» и думаю, что яйца у меня золотые.

Слушатели тонут в слезах от душещипательной песенки «А я, я так ее любил» – я думаю, что теперь всегда буду выступать с таким же успехом, всю, черт побери, оставшуюся жизнь... Поэтому сегодня оторвусь со шлюхами, сегодня в программе американские шлюхи, в Нью-Йорке их пруд пруди.

А потом, выпендриваясь, как умею я один, исполняю «Долгие ночи в баре»⁷. Пока пою, засовываю руку в карман пиджака и пальцами поигрываю с трехграммовым пакетиком кокаина. Две тысячи человек следят за мной, не отрываясь, и не знают, что мои резвые пальчики поигрывают с порошком, сегодня в программе американские шлюхи, и все это крутится в моей черепушке, как фрукты в миксере.

Мне смешно, я словно подтруниваю над своими шестидесятилетними итало-американскими поклонниками: если вы думаете, что сейчас я стою перед вами словно голый, обнажив свои чувства, предельно искренний, что купленные билеты дают вам власть надо мной, вы, братцы, ошиблись, все совсем не так, хоть вы и не отрываете от меня глаз, вам все равно не узнать мой секрет, секрет пальчиков, которые поигрывают с тем, что запрещено, с тем, что вне закона. Разве мы способны что-то узнать до конца, изучить людей или хотя бы предметы? Человека не увидеть целиком: видишь лицо – значит, не видишь спину, все приблизительно, нам видно только малую часть.

Наша жизнь – всего лишь попытка, причем редко удачная.

Я, в свою очередь, слежу за зрителями и вижу, как у них блестят глаза, как пожилые парочки держатся за руки, словно говоря, что тридцать лет брака не были ошибкой, нет, жизнь, которую они прожили вместе, не была ошибкой, они прожили жизнь, дрянную жизнь, в которой чего только не случилось, жизнь, испорченную и замаранную огорчениями и разочарованиями, но все было не зря. Я вижу, как толстые материнские задницы подпрыгивают от восторга в креслах, чего они только не вытворяли в жизни, но не будем об этом, и вообще, священник уже отпустил этим матерям все грехи. Сумасшедший дом. Я вижу традиции, фольклор, надежды, сильную волю, эти итало-американцы живут в собственном мире – давай, Тони, взлети, возьми высокую ноту в «Долгих ночах». По статистике, сегодня люди чаще нарушают закон, но это неправда, просто сегодня об этом говорят, а прежде не говорили. Люблю забивать себе голову цифрами.

А потом я раздаю песни на бис, как раздают рекламу у станций метро.

В примерке Титте заметно легчает, он словно сбросил пару килограммов напряжения и радостно целует Лелло, Рино, Джино и вашего покорного слугу. Все орут и поют хором, как фанаты на стадионе – как будто мы выиграли чемпионат. Потные и счастливые. Я гляжу на них с довольным видом, но не присоединяюсь к хору, я – лидер, приходится делать вид, будто я заранее был уверен: в Новом Йорке нас ждет успех. Вбегает запыхавшийся Дженни Афродите, мой менеджер, с тусклой квадратной физией, с упорно сползающей на лоб челкой и с бриллиантовой серьгой в левом ухе, которая его молодит, и останавливает хор фразой, звучащей как гром среди ясного неба:

– Ребята, сейчас к вам заглянет Синатра.

Повисает хрупкое молчание. Роковое молчание.

Я со скоростью услышавшего выстрел гепарда поворачиваюсь и прилипаю к зеркалу с лампочками. Поправляю волосы. Рыжие. Крашенные. Выжженные. Оттенка «махагон». Как у Мага Сильвана⁸ или маньяка. Зачесываю их назад, завязываю халат. Рукой подаю знак Дженни. Словно диктатор. Незабываемый жест. И тут дверь открывается. Титта дрожит и просит про-

⁷ «Lunghe notti da bar» (2001), авторы – Пеппе Сервилло, Нино Бруно, Паоло Соррентино, Паскуале Каталано; песня в исполнении актера Тони Сервилло прозвучала в фильме Паоло Соррентино «Лишний человек» («L'uomo in più»).

⁸ Маг Сильван – псевдоним итальянского иллюзиониста Альдо Савольделло (р. 1937).

щения у себя самого за то, что бывал к себе строг, что до сих пор мало себя любил. В коридоре слышны мягкие, ритмичные шаги. Шаги нескольких человек. Ковер терпит это издевательство. Входят телохранители, за ними Фрэнк – покачиваясь, шатаясь, с пунцовым лицом, как у крестьян из Абрुццо. Фрэнк приближается, протягивает мне руку, на которой сияет кольцо за сто двадцать тысяч долларов. Бриллианты – полный восторг. Я отвечаю перстнем за тринадцать миллионов, купленным у ювелиров на виа Марина. Пожатие рук. Кольца сталкиваются со звоном, который слышат все. Пятая авеню против виа Марина – в этой дуэли силы не равны. Титта униженно разглядывает собственное обручальное кольцо и в лучший момент своей жизни обзаводится очередным многообещающим комплексом неполноценности. Зато во мне пробуждается неслыханная щедрость. Хочется подарить старине Фрэнку пакетик с коксом, но я все-таки сдерживаюсь. С трудом.

Фрэнк, который росточком оказался ниже самых пессимистичных ожиданий, прошепствовав как император, усаживается на мой стул – единственный во всей гримерке. Я со своими музыкантами замираю в ожидании напутственных слов, которые стоят целой карьеры. Совершенно некстати Лелло Коза вспоминает, что он не только классный барабанщик, но и талантливый юморист.

– Вылитый Наполеон, – говорит Лелло Коза, надеясь, что товарищи его поддержат. Я пронзаю его взглядом, в котором читается угроза увольнения. Слава богу, Синатра не расслышал. Он так и сидит, не раскрывая рта. Напряжение нарастает, такое напряжение, что все просто мокрые. Синатра заторможенным движением героини-ка вытаскивает пачку сигарет. Мы, как жирафы, вытягиваем шеи, чтобы разглядеть марку. Мы о такой и не слышали. Сигареты «Синатра».

Фрэнк засовывает сигарету в рот, как в замедленном мюзикле, потом достает платиновую зажигалку «Дюпон» 1958 года и с трудом произносит по-итальянски:

– Подарок Мэрилин Монро.

Мы все взволнованы. Очень взволнованы.

– Концерт был good, но запомни одно, Тони: успех... успех – это насрать на всех, – говорит Фрэнк Синатра и смеется, как алкоголик.

Успех – это насрать на всех.

Ваш покорный слуга Тони вспоминает эти слова, когда, развалившись в черном лимузине, который оплатил неизвестно кто, но точно не он сам, в этом Тони уверен, он катит куда-то в одиночестве, а перед помутневшим от шести джин-тоников взором проплывают небоскребы Мидтауна. Водитель на меня не реагирует, хоть криком кричи, и тогда я говорю себе: пора нюхнуть. Я склоняюсь к порошку и затягиваюсь так, что, того и гляди, рухнет Эмпайр-стейт, хотя на самом деле меня не услышал даже чернокожий водитель, сидящий за звуконепроницаемым стеклом, – я видал такие у нас в банках. Я снова один, я надеялся на ужин с Синатрой, но тот свалил с видом чувака, сделавшего огромное одолжение уже тем, что пришел на концерт. Я-то губу раскатал, но звезды, знаменитости, как известно, тусуются в других местах. Не там, где я. Я мечтал, что буду сидеть с Фрэнком после ужина в доме, обставленном сценографом Билли Уайлдера⁹, а вместо этого качу на Таймс-сквер, где бродят толпы путан. Вот мое царство. Здесь я в своей тарелке. Выбираю по расовому признаку. Сажаю в лимузин негритянку, пуэрториканку и злобную блондинку – немку, венгерку или кто она там еще, я всегда плохо различал восток и север. Мне подходит либо американский шик, либо жаркие тропики, там я как фараон на каникулах. Трех своих музыкантов я оставил прохладиться в Виллидже, максимум, что они получают от жизни, – пиво у стойки в темном баре. Даже с барменом не поболтают: здесь говорят на английском, а кто не говорит – пусть гуляет. Где Дженни Афродите,

⁹ Билли Уайлдер (1906–2002) – американский кинорежиссер и сценарист, обладатель шести «Оскаров».

понятия не имею, у него своя компания, он никому ничего не рассказывает, вечно отмазывается тем, что много работает, может, это и правда, а может, колет себе героин, я почему знаю?

Я же, угощая коксом девчонок, выдавливаю из себя американские словечки, которые подошли бы эмигрантам начала века. Девки не отвечают, они заняты порошком. А мне нравится общаться с людьми. Всегда нравилось. Как общаться – не важно. Слова, драка, слезы, смех, любовные письма, секс, алкоголь или кокаин – все сгодится, все равно это общение.

Мы заходим в номер и опять нюхаем порошок, такие длинные полоски, что начало видно, а конец нет. Я падаю на гостиничную кровать, будто говоря: я тут, вот он я, делайте со мной все что хотите.

У негритянки звонкие груди, и все в растяжках – то ли из-за кучи детей, то ли из-за того, что их тискала куча рук. Эта мысль как нельзя кстати, я возбуждаюсь! Пуэрториканка – страшная аккуратистка, раздевается в углу, словно собралась спать одна. Нашла свободный стул и сложила на него шмотки так, будто занимается в универмаг продавщицей. Прилежная. Наверняка была в школе отличницей и дома не ссорилась с братьями и прочей родней. Так мне кажется. Зато холодная блондинка меня пугает. Сидит неподвижно, не раздевается, прислонилась к трюмо с видом стервозной бухгалтерши. Словно хочет сказать: сегодня я здесь, но на конгрессе зубных врачей я бы вела себя точно так же. Она меня раздражает, гасит возбуждение от истисканных неизвестно кем негритянкиных сисек. Черная сразу ложится со мной в кровать и начинает тереться. Пытаюсь ее поцеловать. Она уклоняется.

Меня это неожиданно обижает.

– I'm a singer¹⁰, – зачем-то объясняю я.

Все молчат, вот я и заговорил.

Но всем троим на меня наплевать.

Тут подскакивает пуэрториканка, типа такая страстная. Подкралась со спины, как убийца, а сама давай ласкать меня тут и там, пока негритянка работает по обычной схеме, раздвинув ноги. Я в нее вошел и, неизвестно почему, вдруг подумал, что ничего у меня не получится. Я возбуждился, но член не очень твердый. Нечего с коксом строить из себя мачо. К тому же блондинка меня бесит, сидит себе с равнодушным видом, прилипла к трюмо, не раздевается, за что я ей заплатил? Еще немного – и я пошлю ее куда подальше. Дрыгаюсь на негритянке, но без особого пафоса. Одиночество подкрадывается и обдает холодом.

Держись, Тони!

Я стараюсь, вся усталость от работы, все тревоги и волнения в моей жизни должны быть оправданы, оправданы в такие минуты. Трахнуть трех разных баб, с тремя разными судьбами, с тремя разными отцами и матерями. Вот, вот, я ускоряюсь, тяжело дышу, путаюсь в наших телах, вытаскиваю его, чтобы кончить, и только сейчас понимаю: блондинка стремительно и незаметно, что твой шакал, подлезла под меня, даже не раздевшись, взяла его в рот... и тут я приезжаю на конечную станцию. Умереть не встать! Та, которую я считал самой противной, сделала мне новогодний подарок, вот это да! Да так тихонько! В сексе самое крутое, когда ожидаешь, что все пройдет тихо-мирно, а получается по-другому. И наоборот. Это одна из немногих вещей, которые до сих пор меня удивляют. Я еще весь сизый, еще подрагиваю, как вдруг в номере звонит телефон. Это Мария, моя жена.

– Привет, милая, – говорю я, сползая с ног негритянки. Не суетясь. Вызывать чувство вины и топтать меня я не позволю самому Господу Богу. Девчонкам я заплатил заранее, поэтому можно спокойно наблюдать, как они одеваются, пока я с громким смехом рассказываю жене, что концерт прошел на ура. Я слышу, как она скачет от радости по квартире. Прямо как кенгуру. Жена делит со мной и радости, и печали. Блондинки нет, наверное, уже ушла, она

¹⁰ Я певец (англ.).

ведь не раздевалась. Чего ей тут сидеть? Жена объявляет, что дочка хочет со мной поговорить. Я слышу невинный голосок:

– Папа!

Тем временем негритянка и пуэрториканка сматываются, даже не махнув рукой на прощание. Дочка говорит, что ей меня не хватает. А я думаю, что меня на семью всю жизнь не хватает.

– Солнышко, я привезу тебе подарочек, а теперь мы попросимся, здесь уже очень поздно, тебе мама не говорила? Смена часовых поясов, папа жутко устал, весь вечер работал.

Я тороплюсь, но почему?

Кладу трубку и понимаю, что мне нехорошо. Болит живот. Это не язва, все дело в смене часовых поясов. Пальцы в сперме, и тут я подскакиваю, потому что на пальцах нет кое-чего другого – кольца за тринадцать миллионов. Минуту назад оно было. Я ору, как голодная чайка. Кольцо сперла блондинка, ну почему с Синатрой такого не могло приключиться? Наверное, потому, что он не бежит к путанам на Таймс-сквер. Выхожу в прихожую, проверяю кошелек: эти мрази забрали все доллары. А виновата во всем идиотка-жена, которая двадцать лет трезвонит в самый неподходящий момент. Не женщина, а сплошное недоразумение.

Хочется плакать.

27 декабря 1979 года, за последние дни мы все стали злее.

Но я не плачу.

Правда, Штаты меня уже достали, пора возвращаться в Италию. Во сне я громко кричу – так, что просыпаюсь в холодном поту:

– Отвези меня в Неаполь, гондольер!

И что это, мать твою, означает?

2

*На мне новый костюм,
я терпеливо жду¹¹.*

ШАРЛЬ АЗНАВУР

Если кто и способен вывести меня из себя, так это Титта Палумбо, мой гитарист, мой неблагодарный, чокнутый приятель, с которым мы в паре играем в теннис.

Полдень, у меня болят ноги. Вчера я распереживался из-за того, что три мерзавки меня обокрали, и чтобы забыться, принял то ли три, то ли четыре грамма. Поэтому сегодня ноги болят.

Мы все вшестером развалились в баре в аэропорту имени Джона Кеннеди, ждем наш рейс. Я пью коричневую текилу, а что пьют остальные, знать не хочу. Знаю только, что Титта способен меня по-настоящему доконать, часами разглагольствуя обо всякой ерунде. А козел Джино Мартире вечно ему подпевает. Сейчас они обсуждают, почему закрытая пицца вкуснее, чем «Маргарита». Вот, уже ссорятся. Два неаполитанских придурка. Пашешь как ишак, стараешься вывести нашу музыку на международную сцену, а неаполитанцы так и остаются провинциальными дураками и, как манекенщицы в семидесятые прикрывались прозрачными тряпками, прикрываются пустыми разговорами. Вечно тряндят о пицце, спагетти, закатах и пиниях на виа Орацио, о Везувии, Капри и о всякой чепухе вроде Соррентийского полуострова. Как эти два недоумка, мои музыканты.

Титта, выступая за закрытую пиццу, ссылается на польского писателя, фамилию которого мне не произнести и с двухсотой попытки, потому что в ней вообще нет гласных. Титта человек образованный, ребята его уважают, он их впечатляет заумными прилагательными и непринесимыми именами, но на меня все это не действует. Ни фига, даже если он забросает меня многотомной Британской энциклопедией, Титту я не боюсь. Кстати, дорогой Титта, у меня дома есть Британская энциклопедия, какая разница, что часть томов так и не распакована. Я всегда обращаюсь с Титтой как с ничтожеством, а он знай помалкивает. Он прикрывается книжками, а я поклоняюсь богине опыта, которого я накопил столько, что ему и не снилось: эта бестолочь просиживает все вечера дома, в трехкомнатной квартире на Аминеях холмах, с курицей-женой и тремя детьми – он говорит, что они здоровы, а мне они напоминают дебилов, которых выпустили из психушки.

Титта строит из себя интеллигента, тонко чувствующего человека, хотя на самом деле он просто осел. Ревущий осел. Так ты, Титта, ничего не добьешься. Особенно если вечером никуда не ходить, а сидеть дома и читать книжки. Вечером нужно выбираться на люди, гулять, наслаждаться ночью, плутать по какой-нибудь глухой окраине – только ночь со своими аккордами и невероятными нотами способна чему-нибудь тебя научить. Ночь вызовет твою жизнь на поединок со всем остальным. С тем, о чем не расскажешь. И о чем я вам все-таки расскажу. Потерпите. Расскажу и об августовской ночи в Торре-дель-Греко, когда в четыре часа утра я отправился есть рагу домой к трем жутким типам – такие попадают только мне.

А пока что я просто свидетель нудного препирательства в аэропорту, поэтому предлагаю вашему вниманию...

знаменитый диалог о пицце...

Титта, дружелюбно:

¹¹ Из песни «Buon anniversario» («С юбилеем», 1963), автор текста – Джорджо Калабрезе, автор музыки Шарль Азнавур.

– Вот вернусь домой и, наплевать на смену часовых поясов, наплевать на то, что буду совсем разбитый, сразу отправлюсь к Анджело и съем закрытую пиццу. Никто меня не остановит.

Я, вяло:

– У меня из-за смены часовых поясов разболелся живот.

Неприятное молчание. На меня не обращают внимания, хотя я их лидер, и это бесит. Мартире решает рвануть вперед, как гонщик Ники Лауда.

Джино Мартире, с жаром:

– У Анджело закрытая пицца – полный отстой, все равно что в Каракасе заказать ньокки с моцареллой.

Я продолжаю молчать, надеясь таким образом привлечь к себе внимание. Куда там. Это еще больше меня обижает.

Титта бросается в бой:

– Во-первых, Анджелино – мой друг, так что думай, прежде чем рот разевать, и вообще закрытая пицца у него просто объедение.

Джино, обороняясь:

– Я не про него говорю, а про пиццу.

Титта с видом философа:

– Закрытая пицца – смысл жизни Анджелино: оскорбив ее, ты оскорбил человека. Это элементарный силлогизм.

Джино, обреченно:

– Я не хотел. Но все-таки у него лучше выходит «Маргарита».

Титта, закипая:

– Ты редкий козел. Анджелино о «Маргарите» и слышать не хочет, он ее делает неохотно, когда попросят, при этом физиономия у него как у киллера. Однажды он мне сказал о «Маргарите» такое, что я чуть не расплакался, настолько это глубокая мысль: «Наша патриотичная королева по глупости считала итальянцев простецким народом, вот и придумала нам простецкую пиццу. Кем она себя возомнила? Наше богатство в удивительной сложности закрытой пиццы. Впрочем, королева получила по заслугам. Когда монархия пытается установить законом, чем нам питаться, считай, она подписывает себе приговор». А теперь скажи мне, неужели после подобных рассуждений об искусстве приготовления пищи, после беспощадной политической атаки, неужели Анджелино станет по доброй воле печь «Маргариту»?

Джино, побледнев и напрягшись:

– Я просто не согласен с тем, что у человека хорошо получается только то, что он любит. Это не так, и случай Анджело тому подтверждение. «Маргариту» он делает левой ногой, а все равно выходит божественно.

Титта, печально, заметно утомившись:

– Но ведь он сам ездит в Мондрагоне за рикоттой...

Джино, с вызовом:

– Все дело в таланте, качество ингредиентов здесь ни при чем, я же не говорю, что он кладет в пиццу подпорченные продукты.

Титта, устало:

– Знаешь, один польский писатель (звучит фамилия, которую я не способен воспроизвести), впервые приехав в Неаполь, заметил: «Богатство Неаполя в его многослойности – как под землей, так и над землей, здесь у каждой медали не одна сторона – это было бы невозможно, здесь вогнутое существует вкупе с выгнутым, их не разъединить, проще говоря, здесь нет места для плоского, здесь выживает только объемное, только оно имеет значение». Ты понял, дурак? Здесь не может быть плоского, то есть «Маргариты», только вогнутое и выгну-

тое, то есть закрытая пицца. Понял, дурак? – яростно завывает Титта, на которого в ужасе оборачиваются американские официантки.

Джино, сохраняя спокойствие, впивается глазами в лицо Титты и провозглашает:

– Титта, мне насрать на твоего польского писателя. У Анджелино закрытая пицца несъедобная.

Титта лупит кулаком по столу. Рино протягивает руку, чтобы его успокоить. Титта притворяется, что не замечает его, он настолько убедительно изображает задумчивость, будто учился в знаменитой Актерской студии и освоил метод Станиславского. Мартире прячет улыбку под усами, вид у него победный, как у тайского мангуста, который только что одолел змею.

Я трижды бывал в Бангкоке.

И все-таки объясните мне, ради бога, как так вышло, что вместе с двумя этими придурками мы оказались перед живой легендой, перед самим Голосом? Это чудо. Это какая-то ошибка. Так карты легли. Что еще скажешь?

Окончательно достав всех бесплодными рассуждениями, наша неугомонная парочка отправляется на поиски настоящей пиццы. У меня, разумеется, другие планы – подороже, попрестижнее: я как ни в чем не бывало покидаю своих обалдуев и шагаю по аэропорту, направляясь в сортир, держа под мышкой кипу итальянских газет и журналов. В сортире какая-то восточная корова моет пол. Я попадаю мокасинами с грязной подошвой в оставленные ею мыльные разводы и извиняюсь:

– Sorry, sorry!

Толстуха с миндалевидными глазами не удостоивает меня даже взгляда. Я уже сожалею, что попросил прощения, как в памяти, неизвестно почему, всплывает давняя сценка: учительница средней школы ругает меня за то, что я леплю в сочинениях кучу ошибок, а я с ней не согласен. Я чувствую, как меня охватывает жажда отмщения: если училка еще жива, я отправлюсь к ней в ее провонявшую насквозь квартирку и покажу ослепшей дуре почетный диплом филологического факультета Квебекского университета, где черным по белому написано, что Тони Пагода – поэт. Разве поэты делают грамматические ошибки? Усаживаюсь на унитаз и открываю наугад журнал «Панорама». На глаза попадает редкое интервью Марлен Дитрих, я пробегаю его, потею и подсакиваю на месте, когда она говорит: «Не надо путать песни и певцов, которые их исполняют. Великий Синатра поет так, словно целого мира с его проблемами не существует. Вы не замечали?»

«Вы не замечали» относится к журналисту, но как будто и ко мне тоже. В общем, эта мысль меня до того поражает, что я просто обалдеваю. Челюсть отвисает, я думаю, что тоже пою так, словно в мире нет никаких проблем. Хотя мне, конечно, трудно понять, в чем они заключаются. Я так разволновался, что решаю пару раз нюхнуть, пока читаю культурную страничку «Коррьере делла сера». Хотя там все равно нет ничего интересного, статьи о моем концерте в Нью-Йорке выйдут не раньше завтрашнего утра.

3

*Ночь прошла,
но запах жизни
она не унесла,
чудесный,
чудесный,
чудесный¹².*

ДОМЕНИКО МОДУНЬО

Если ночь тебя по-настоящему захватила, вырваться из ее лап – все равно что сражаться со львами или гигантскими пауками. Ты убеждаешь себя: пора домой. Но что-то подталкивает идти вперед. Пенный след корабля, дуновение ветерка, холодок страха. Потом наступает рассвет, и ты вроде бы успокаиваешься, но не совсем. Для пистолета расписание не важно, важно, куда его направят, иногда задумываешься: вдруг ты окажешься на траектории пули? Может, так уже бывало не раз, а ты и не замечал.

Я родился в переулке Сперанцелла. Не знаете, где это? Сами виноваты. В общем, там всякое дерьмо воспринималось как часть пейзажа, периодически все, так сказать, закипало, булькало и поднималось: можно было наткнуться на черт знает кого в подъезде, на узкой лестнице – в вонючей сырости и темноте. В такой темноте, что невольно поверишь в страшных монахов, призраков и мертвецов, которые пришли за тобой. Во всех, кто покончил с собой из-за любви. В общем, в голову лез всякий фольклор, ты его гнал, вытеснял эту вонючую мразь на улицу. Раньше это была игра. А сейчас нет. Сейчас все серьезно. Сейчас эти ребята умирают, сами того не заметив. Да и как заметишь, если все время думать о том, что случится после? О будущем. О том, что будет, когда ты умрешь. Вот что меня пугает. Я-то впивался в жизнь, как пиявка, как осьминог в скалу. Я всегда был хитрой рыбкой, которая улыбается, разглядев под наживкой крючок. Обходил его стороной. Другое дело – попасться в сеть незаметно для себя самого. Такого никому не пожелаешь. Даже Фреду Бонгусто¹³.

В беду я попал из-за уроды Маурицио Де Сантиса. Не успели мы сойти с трапа в Неаполе, как он говорит:

– Поехали сегодня в порт, придут колумбийцы – купим прямо у них, запасешься порошком так, что хватит и на Новый год, и на турне.

Я, если честно, сразу согласился, обрадовался, как Том Сойер, когда тот отправился в поход с приятелями и собрался жить в шалаше.

Сидим мы, значит, в бордовой «альфетте» Маурицио Де Сантиса – я и Де Сантис, которому вроде как уже стукнуло тридцать шесть, но, если вы меня спросите, чем он занимается по утрам, я вам не только не отвечу – я даже предположить не смогу. Он словно материализуется по ночам – прямо как Сальветти, хозяин бара «Фестиваль», которого встречаешь только летом, а где он зимой – загадка. Зимой его вроде как не существует. Сальветти испаряется, прячется, как морской еж. Я это к тому, что мы с Де Санти-сом не очень близко знакомы. Но сколько себя помню, он всегда присутствовал в моей жизни. Ночной аутсайдер, невезучий торгаш, который искренне засыпает тебя комплиментами – так, что становится тошно. Кокаинщик. А главное – он все время болтает, болтает, но ничего путного не говорит. В основном перечисляет своих

¹² Из песни «Meraviglioso» («Чудесный», 1968), автор текста – Риккардо Паццалья, автор музыки – Доменико Модуньо.

¹³ Фред Бонгусто (Альфредо Бонгусто, 1935–2019) – итальянский композитор и певец, популярный в 1960–1970-е гг.

знакомых, телепередачи и ведущих, которые смешат его до колик в животе, а я о них никогда не слышал, даже случайно.

Полтретьего ночи, Де Сантис разворачивается на причале Карло Пизакане – этот недоумок толком не понял, где пришвартовуются колумбийцы. В общем, он резко и нервно разворачивается, а море-то в двух шагах, нажмешь ненароком на газ – и конец... поминай как звали... а меня еще здорово укачивает, так что я от страха закрываю глаза. У Маурицио наверняка все мозги порошком выело, не доверяю я его водительскому мастерству. Зато он сидит с расслабленным видом и, задевая битенги и чалки, рассказывает о своем любимом молодом телеведущем – Клаудио Липпи.

– Не знаю такого, – отвечаю я, а сам инстинктивно упираюсь руками в приборную панель – боюсь утонуть в море.

– Он прикольный, – объясняет Маурицио, – умеет смешить людей.

– Он с Севера? – почему-то вырывается у меня.

– Вроде да, – кивает Маурицио.

– Значит, он педик, – говорю я и отворачиваюсь, чтобы не заглядывать в загробный мир.

Жизнь, конечно, странная штука, но только скажите мне, почему вокруг так много дебилов? Просто не понимаю. Я пошутил и сам толком не понял, что сказал, а знаете, что начал вытворять Маурицетто? Как разинет рот – ни дать ни взять акула с солитером внутри, да как заржет – не только меня оглушил, но и зажмурился; не учел, что, если не повернет, мы, не успев раздеться, нырнем в волну. Этот кретин глаза закрыл, рот разинул, ему плевать, что нам еще жить да жить. Я-то, слава богу, сразу сообразил, что он не помнит про разворот. Чую: смерть уже вцепилась в меня костлявой рукой. Ну а я все-таки в последнюю секунду отбил: дотянулся до руля и повернул, предотвратив падение в море.

– Ты вконец охренел! – ору я, вне себя от злости.

– Да не волнуйся, у меня все под контролем, – спокойно так отвечает он, но больше не ржет, потому что сам знает: он – полный мудака.

Ладно бы дело кончилось этим! Худшее ждало нас впереди. И дождалось.

– Я вспомнил: нам на причал Мартелло, – выдает этот обалдуй Маурицио, у которого до сих пор колотится сердце. Значит, едем туда. Маурицио уже не смеется, он сосредоточенно смотрит вперед. Только меня сосредоточенность пугает намного больше, чем безалаберность. В общем, все говорит: быть беде. А я по глупости не обращаю внимания.

– Пезанте – твой поклонник, он обещал, что нам с тобой выдадут по двадцать грамм. Цена такая, что, если я тебе скажу, запоешь от счастья. Порошок чистый, не голубиный помет, который нам подсовывает Петто Ди Полло, – вдруг выдает Маурицио. Вот это другой разговор. Я оживаю, закуриваю «Ротманс лайт», даже не знаю, с чего начинать расспросы, а он тем временем – это я потом понял – нарочно паркуется за контейнером. Сейчас он не засмеялся бы, даже если бы Макарио¹⁴ запрыгнул голышом к нам на капот.

– Кто такой этот Пезанте? – спрашиваю я, пока серотонин заполняет тело.

– Тот, кто изменит облик этого города, Пезанте давно пора сделать мэром, это мой приятель, а еще он правая рука Роккоко¹⁵.

Вы слышали? Слышали? Роккоко? Глава одного из двух самых могущественных кланов в этой заваленной мусором равнине и высящихся на ней холмах.

– Ты меня не подставляй, – бормочу я с таинственным видом. – Я человек публичный, наверняка кто-нибудь спит и видит, как разоблачит мою связь с влиятельным членом каморры.

¹⁴ Эрминьо Макарио (1902–1980) – итальянский киноактер и комик.

¹⁵ Клички у героев говорящие: Пезанте – от *итал.* pesante – тяжелый, серьезный; Петто Ди Полло – от *итал.* petto di pollo – куриная грудка; Роккоко – от *итал.* gossosò – неаполитанская сладкая выпечка.

Ты же знаешь, Маурицио, меня уже пытались прижать, пойдут слухи, что я приторговываю порошком.

– Думаешь, я не понимаю? – успокаивает меня Маурицио. – Сиди здесь и жди меня, я схожу, заплачу, отвезем порошок домой. Не пойман – не вор.

Мне ненадолго легчает, но сразу рождается слабое сомнение – словно хилый Тарзан без мачете ломится через джунгли.

– Если Пезанте мой поклонник, он наверняка захочет со мной познакомиться.

– Не дури, Тони, – отвечает Маурицио, дебилно ухмыляясь. – Пезанте должен забрать с корабля пятьдесят кило для Роккоко, станет он в этом гребаном порту думать о политесах... там сейчас гавайские танцовщицы водят вокруг него хороводы.

Звучит убедительно. Я одновременно обижен и успокоен.

– Ладно, иди! – говорю ему я.

– Ладно, иди... – отзывается Маурицио. – А где деньги, Тони? – спрашивает он с таким невинным видом, что мне почему-то становится противно.

– Ну и почему он его продает? – выдавливаю я из себя.

– Пятьдесят тысяч за грамм, разве это цена? – улыбается гнилыми зубами Маурицио Де Сантис.

– Нормальная цена. Ты сказал, он нам выдаст по двадцать грамм?

Де Сантис решительно кивает:

– За двадцать грамм – миллион.

Я отрываю задницу от кожаного сиденья, достаю пачку купюр, скрепленных золотым зажимом. Послунявив палец, отсчитываю миллион и протягиваю деньги моему чокнутому подельнику. Он их берет и засовывает во внутренний карман клетчатого пиджака – такие уродливые пиджаки увидишь разве что на окраине Лондона или в Америке.

Потом выходит из машины и исчезает во влажной тьме, которую рассекают крики чаек – сегодня они не в голосе.

Я остаюсь один. Тишина никогда не была моим любимым спутником. Передо мной, в метре от ветрового стекла, обыкновенный серый железный контейнер. Вокруг – порт в величественном упадке, неспособный подстроиться под окружающий мир. Обычно в таких случаях появляется выискивающая объедки бродячая собака, но здесь нет собак. Нет даже мышей и тараканов. А это уже дурной знак. Здесь пахнет не болезнью, а смертью. Конечно, теперь мне легко говорить, мы все крепки задним умом, даже биржевые маклеры, как сказал бы Оскар Уайльд, которого я в школе прочитал по ошибке.

Я торчу полчаса в машине, скучно до слез. Разглядываю новые мокасины. Выкуриваю три сигареты, включив печку, – от жары меня мутит, во мне словно течет река. Никаких следов Маурицетто – ни его самого, ни его клетчатого пиджачка. Я задумываюсь: однажды, рано или поздно, напишу воспоминания. Расскажу, какой я добрый, какой великодушный. Взгляд случайно останавливается на замке зажигания, и тут я замечаю то, от чего нервы вот-вот сдадут: ключей-то нет! Что это значит? Если раньше мне было скучно, теперь я не нахожу себе места. Размышляю. А что, если Де Сантис растворился, прихватив миллион, которого, между прочим, его загаженная «альфетта» не стоит? А если все это розыгрыш? Я жду уже полчаса. Вдруг раздается жуткий металлический грохот.

Ладно, в порту такой шум не удивляет, но, когда ты эмоционально нестабилен, сразу думаешь о плохом. Все-таки шум слишком громкий. Что-то не так, и не просто что-то.

И тут я принимаю худшее решение в своей жизни: выхожу из «альфетты».

Ветер хлещет по щекам, лупит, пинает. Жестокий холод, на которого не найти управы, от которого не спастись. Такой по душе только русским морякам. Иду по коридору из совершенно одинаковых контейнеров. По лабиринту, откуда не видать причал Мартелло. Ветер бьет в лицо,

отупляет. Во рту чувствую вкус зубной пасты. Наконец я выныриваю из железной волны и вижу, что на причале Мартелло разворачивается настоящее шоу.

За моей спиной город, но город меня не замечает.

Красный колумбийский корабль стоит себе целый и невредимый, поскрипывая и угрюмо наблюдая за суетой бытия. Суета бытия – не красивая фраза, а реальность: видно людей, которые переговариваются между собой, вроде как сгружают товар, – все ясно, даже если смотреть против света. Не больше десяти человек. Когда я выхожу из железного туннеля, северный ветер бьет еще злее, крепче, меня словно со всех сторон сковало льдом. Подхожу к полупрозрачным призракам, высматриваю Маурицетто. Принимаю нахальный вид и обращаюсь к самому молодому, к безвредному грузчику, который вряд ли пошлет меня куда подальше:

– Маурицетто здесь, с вами?

Он смотрит на меня как рак-богомол. Безо всякого выражения.

Из изящного мясистого рта справа подтекает слюна. Нет, я чего-то не понимаю. Он не отвечает, но мне все равно спокойно. Спокойно, пока я не замечаю нечто странное: из правого бока у него торчит нож для подводной охоты. Ноги у меня обмякают и принимают форму ромба. Я не могу вынести вид этого парня, его предсмертные хрипы. Сейчас он на меня рухнет, я уже готовлюсь его поймать, когда враждебная, черная, крепкая тень встает между нами и толкает меня так, что я лечу на землю. Из кармана выпадают ключи от квартиры. Кровь стынет в жилах при мысли, что человек толкнул меня специально, со злостью, толкнул, как толкал других людей десятков тысяч раз. Как когда у тебя срывают с руки часы и ты стоишь, разинув рот, и не можешь поверить, но в душе ты уже понял, что для них это обычное дело, мастерски отработанный маневр. У преступления тоже есть своя техника, свое профессиональное мастерство. Но эти милые мысли придут мне в голову позже, потому что сейчас... сейчас я в аду. В аду, где все орут непонятно что, где подьехавшие машины фарами светят на парней, сгружающих порошок; светло как днем, раздаются пистолетные выстрелы – глухие, несущие смерть, с одной и с другой стороны, крики ужаса пронзают мозг, словно сверло.

Чтобы догадаться, не нужно быть Энцо Бьяджи¹⁶: клан, соперничающий с кланом Пезанте, явился на праздник страха, чтобы помериться силой и показать, кому достанется самый большой кусок пирога. С точностью, какой я за собой не подозревал, я оказался здесь в самый неподходящий момент. На каждый выстрел я только глухо повторяю: «О Господи!», не веря, что еще чудом жив.

Двигаясь неуклюже, бочком, бочком, я нащупываю среди отлетающих гильз ключи и скрючиваюсь за кнехтом, а в это время, журча горным ручьем, в дело вступает автомат. У кого он в руках? Ой, не знаю. Даже смотреть не хочу. Не хочу умереть от разрыва сердца. Опять слышны крики – заглушающие друг друга, неразборчивые, леденящие душу крики ужаса.

В общем, ничего нового я вам не скажу: в подобных случаях всегда одинаково страшно. Одинаково страшно, когда рядом с тобой какие-то психи устраивают перестрелку и когда просыпаешься с тяжелой головой и царапаньем в горле.

Страшно умереть.

Страшно покинуть эту юдоль скорби, но не дай бог кому-нибудь на нее покуситься.

Зато кровь закипает, как вспомнишь, чего только не придумают люди, чтобы отправить тебя пожать руку Иисусу Христу. Клянусь дочкой, что положение, в котором я оказался, – худшее из возможных. Размышляя об этом, я отвожу взгляд в сторону на парочку сантиметров и посреди театра теней вижу то, что меня вконец добивает: я вижу, как Маурицетто, словно ослепнув, несется ко мне. Он явно готов броситься в море, как совсем недавно собирался сделать это вместе со мной в машине, но не успевает – сзади его прошивает автоматная очередь. Маурицетто оседает на землю, словно не забивший штрафной футболист, ползет, ползет и

¹⁶ Энцо Бьяджи (1920–2007) – итальянский журналист и писатель.

ударяется головой о мой кнехт – здоровенную, твердую железяку, которую поставили здесь, чтобы удерживать многотонные корабли.

Он умирает у меня на глазах.

На нем уродливый клетчатый пиджак, который теперь весь в грязи. Я ничего не в силах сказать, даже если бы меня попросила об этом мама, лежа на смертном одре. Я не дышу. И не шевелюсь. На уши словно опустился занавес из горячей и плотной ваты, я ничего не слышу, только гляжу на тело Маурицьетто. Меня словно засосало в воронку, где нет никого и ничего.

Лишь моя душа говорит, шепчет мне на ухо:

– Ладно, хватит!

Но остановиться я не могу. Как бы мне... Снова выстрелы. Палят, будто решили заранее отпраздновать Новый год. Снова вопли, на этот раз я разбираю, что они там кричат. Они пришли в себя, им уже не так страшно, они очухались, несколько секунд – и они привыкли к стрельбе, сжились с ней, ведут себя как ни в чем не бывало. Готовятся к бою. С уверенностью сильного: каждый из этих мерзавцев не сомневается, что пуля его пощадит, – чай, не впервой. Платит за всех Маурицьетто, который, как и я, ввязался в эту печальную историю, не имея на то силенок. Он ведь любил Клаудио Липпи, какие там перестрелки!

Несмотря на все, пока я наблюдаю самое жуткое зрелище в своей жизни, в голове проносится мысль, почти видение: похороны Маурицьетто, за катафалком шагают человек шесть, двое из которых затесались случайно – какие-нибудь старухи-садистки, которым надо непременно знать, кто еще жив, а кто умер. С Маурицьетто они и знакомы-то не были. Печально. А печальней всего, что один из шагающих за катафалком – я.

Пока похожая на подъемный кран рука находит меня за кнехтом, хватает и тянет вверх, я успеваю подумать: ну вот, настал мой черед, пора на выход, чем я лучше Маурицьетто, если так рассудить. Впрочем, рука этого полного, симпатичного человека тащит меня по-дружески, я по-прежнему ничего не понимаю, когда он говорит:

– Пошли, Тони, нас ждет катер.

Он назвал меня по имени – значит, он меня знает, это ясно как день. Да это же он, сам Пезанте тащит меня по трапу и заводит на синий катер контрабандистов, который все это время стоял на якоре рядом с кораблем, а я его даже не заметил. Вместе со мной и Пезанте на катер садятся двое – такие типы, что словами не описать. Катер мчится вперед на бешеной скорости. Мы словно летим. Так холодно, что лучше бы сразу умереть. Сдается мне, что мы плывем отнюдь не на Капри. Промчавшись вдоль бесконечного порта, который в темноте еле видно, мы погружаемся в мрачную, непроглядную тьму. Вход в порт охраняет гипсовая Мадонна. Я гляжу на нее несколько мгновений – вряд ли она намерена нам помочь. Огни города никогда не были так далеки. И не важно, что их хорошо видно, все вместе и каждый в отдельности. Такая уж выдалась ночь – прозрачная, но неоднозначная. Я слышу два звука: натужный вой мотора и глухой удар головы Маурицьетто, которая утыкается в кнехт.

За последние пять минут я словно оживаю. Катер мчится вдоль берега так, как будто за нами гонятся черти. Врагов не видать. Я сижу на корме вместе с Пезанте, остальные заняты управлением. Никто не разговаривает. Пезанте задумался. Двое молодчиков напряжены, но по их виду понятно: они знают, что делать. Периодически тихо переговариваются – о чем, мне не слышно.

«Что я здесь делаю? – думаю я. – Как я здесь оказался? Кто это такие? А главное – куда мы, черт возьми, направляемся?» Спросить не хватает духу. Пезанте, выныривая из тяжких преступных дум и погружаясь в другие думы, успевает взглянуть на меня, улыбнуться – устало, горько, страдальчески, и сказать:

– Я твой фанат.

«А мне какое дело!» – так и подмывает ответить.

Вместо этого я выдавливаю улыбку – даю голову на отсечение, даже самые большие умники и умницы не объяснят, что она выражает. Можно подумать, что я отчаялся, сдался, но это неправда, я никогда не опускаю руки.

Вдруг, словно вынырнувший из загробного мира спрут, возникает далекое шуршанье, не имеющее никакого отношения к установленному на нашем темно-синем катере «гальотта» двигателю «вольво пента». Ясно, что мне не послышалось: Пезанте нервно поворачивается к корме и всматривается в ночь, но видно только пропахший оборотнями мрак. Я тоже поворачиваюсь и хищно вглядываюсь во тьму. Никого!

– Зайди в грот Ченито, не зажигая огней! – велит Пезанте парню, который стоит у руля.

Шум приближается. Ну ладно, одна перестрелка, но вторая, посреди холодного моря, без шансов куда-то сбежать – нет, этого мне не вынести. Я чувствую посторонний шум всем телом, до окоченевших ног, а что еще хуже – лица врага не видать. Только теперь я понимаю: раньше, во время стрельбы на причале Мартелло, я думал, что испытывал страх, но это был не страх, я находился в состоянии шока. Зато сейчас я чувствую страх в чистом виде, такой, каким задумал его Господь, когда создал страх вместе с динозаврами и драгоценными камнями. Паника – хищная, затягивающая в болото, – проявляется весьма ощутимо. Словно фламинго клюют меня в задницу.

Это простата. И она болит.

Ну вот, здрасьте!

Стоящий у руля парень резко поворачивает направо и стремительно несется на скалы. Пезанте зажал гнилыми зубами обойму на не знаю сколько патронов, в руке у него огромный, черный, сверкающий, дорогой пистолет. Я всматриваюсь в линию горизонта и в каждом черном пятнышке, которое кажется чернее окружающей черноты, вижу врага, вижу лодку, которая несет мне смерть посреди залива. В следующий миг я уже не понимаю, чего бояться, потому что наша «гальотта» двигается в темноте, но я ясно вижу, что мимо проплывают скалы, вижу близкое дно и понимаю, что совсем скоро я погружусь в ледяную воду, что катер начнет тонуть. Но он чудесным образом проскальзывает среди черных скал так, словно сейчас не ночь, а солнечный полдень, вместо холода теперь я ощущаю сырость – здесь очень влажно. Оглядываюсь и все понимаю. Мы заплыли в грот Ченито, который станет для нас убежищем или ловушкой, скоро увидим. Пезанте велит глушить мотор. Повисает мертвая тишина, как в аду. Длится она недолго. Шум чужого мотора, который прежде сливался с шумом нашего, теперь раздастся ясно, оглушительно, чуть в отдалении, лодка явно идет не быстро. Я гляжу на товарищей по несчастью – они напряжены, держат в руках пистолеты, готовы начать перестрелку, грохот которой многократно усилят и повторят стены сырого, мрачного грота. Они, как говорится, готовы встретить врага на перевале. Но враг не решается заплыть в грот, он кружит снаружи, выжидает, я понимаю, что мне еще предстоит немного помучиться, прежде чем умереть в гроте от напряжения, влажности или пули, как Маурицетто, – от чего именно, пока неясно. В этой агонии, ожидая смерть, я загадываю желание: вот бы запеть во весь голос «Долгие ночи в баре».

Проходит неизвестно сколько времени – много, я просто закрыл лицо руками и делаю вид, что меня здесь нет. Спасает единственная мысль, единственное имя – Беатриче.

Я очнусь, только когда рука Пезанте ласково ляжет мне на плечо, и сразу все переменится: мотор вражеской лодки еще слышен, но звук удаляется, враг отступает, через узкий вход в грот Ченито проникает робкий солнечный лучик.

Рассвет.

Ясно, что такой человек, как я, за свою жизнь повидал немало рассветов, но этот прекраснее всех. Величественный, ослепительный. Средиземноморский рассвет. Возвращающий к жизни. В общем, никогда еще появление солнца из-за Везувия не казалось мне настолько символичным и значимым. Выводящим меня из комы.

Внезапно запахло будущим.

Я заговорщицки улыбаюсь своим лихим товарищам.

Высаживают меня на причале в Марекьяро, там, где в нарядных домах в этот час еще спят богачи. Я готов сесть и написать целый роман: меня так и распирает от счастья и потребности рассказать о пережитом. На прощание Пезанте взял меня за руку и сказал с обезоруживающей честностью – так, что я почти прослезился:

– Мне жаль, Тони, что тебя втянули в эту историю. Ты артист.

Думаю, Пезанте надо обязательно сделать мэром. Прежде чем отчалить, он протягивает мне подарок – драгоценный пакетик с двадцатью граммами кокаина.

Я иду тихой и пустынной улочкой Марекьяро, поглядывая на стоящие справа и слева дома. Вот бы и мне здесь поселиться. Выхожу на виа Позиллипо и ловлю такси. Разваливаюсь на заднем сиденье, нащупываю в кармане ключи от квартиры, глубоко-глубоко вдыхаю, а потом, сам не знаю как, произношу:

– Здравствуй, таксист! Здравствуй, жизнь!

4

*Я влюбился в тебя
от нечего делать¹⁷.*

ЛУИДЖИ ТЕНКО

Главное – быть честными.

За свою блестящую карьеру я написал то ли двести двадцать, то ли двести тридцать песен. И знаете, что я вам скажу? Не меньше сотни вдохновила она, Беатриче.

Только она об этом не догадывается. Потому что ее имя не звучит в моих песнях. Это мой секрет. Мой тайник, спрятанный внутри меня, моя рана.

Неизлечимая инфекция.

Ну вот, я вам все рассказал. А это, знаете ли, совсем не легко. Не умею я врать про чувства – пусть это станет уроком всем, кто долго учился и похваляется, что, дескать, понял, как работает мозг.

В общем, в моей душе поселилось страдание, да так и не ушло. И даже не собирается. Все из-за того, что меня бросила Беатриче. Не вчера, уже довольно давно. Я не привираю, когда говорю, что сила моего страдания настолько велика, что способна разрушать города. Поэтому, кстати, я не пою, а кричу.

Выкрикиваю тысячи слов, и все слова о ней, Беатриче. Моей гибели и моем счастье. Да, да. Говорят, когда я выхожу на чертову сцену, зрители, словно воришки, прячутся за спиной у соседей, чтобы скрыть слезы. Если это правда, то происходит это потому, что, когда я пою, я думаю о ней и страдаю, а зрители, клянусь всем святым, прекрасно видят мои страдания. Я не вру. И не несу чепуху. В своих песнях я плачу и признаюсь, что мне страшно. Страшно перестать любить ту, которую я на самом деле любил. Правда-правда. Я стою на чертовой сцене и ворошу ваши чувства, выворачиваю их, взрываю, словно у меня в руках бомба с часовым механизмом, я свожу вас с ума, я понимаю, что в моих руках власть – власть вертеть, как мне заблагорассудится, вашими сердцами, всеми сердцами, кроме собственного, – мое сердце стремится к женщине, которая меня бросила и больше не хочет знать.

За что? Я же горячий человек.

Вечная история: тебя бросают, начинаешь бить себя кулаком в грудь, как горилла, теряешь чувства, нечем дышать, земля уходит из-под ног, ой, меня бросили, ой, я умираю. Потом время раскрывает карты, игра закончена, обо всем забывают.

Но я не забыл. Не получается у меня забыть, черт возьми! Ну почему? Таскаю на шее, как ярмо, воспоминание об этой женщине. Все как тогда – чувства, обиды, печаль, злость, желание, дружба, боль, радость и мука. И так много лет!

Лучше мне помолчать – не дай бог услышит Коччанте¹⁸ и сочинит об этом очередную песню.

Но эта история никак не идет у меня из головы, я стою, а кажется – лежу на земле. Я мучаюсь, заливаюсь слезами, горюю, взбадриваю себя кокаином, вином, пивом, напитками покрепче, коктейлями, аперитивами, сигаретами, растительными и животными жирами, но проклятая боль все острее, я все выше поднимаю флаг своей любви и следую крестным путем, вопрошая: где же она теперь? Давно о ней не слышал.

¹⁷ Из песни «Mi sono innamorato di te» («Я влюбился в тебя», 1962), автор текста и музыки – Луиджи Тенко.

¹⁸ Риккардо Винсент Коччанте (р. 1946) – итальянско-французский певец и композитор.

Воплощение соблазна, куколка, женщина, мадонна. Разве вам понять... Она бередила мне душу, рядом с ней я чувствовал себя смешным клоуном. Нелепым и потерявшим дар речи, как всякий дурак.

Она прибыла на Капри и, не успев сойти с парома на сушу, затмила легендарную Риту Хейворт, которая в пятидесятые считалась самой аппетитной красавицей из тех, что прогуливались между пьяджеттой и мысом Трагара.

Беатриче, крылатая и величественная, невесомая и задумчивая, парила в своих балетных на подобающей высоте – казалось, в минуту просветления ее нарисовал сам Пикассо. Шагая, она мгновенно меняла направление, походка ее была легка и стремительна. Сидя за столиками бара, мы провожали ее глазами, жестоко мучаясь и сгорая от желания бросить лассо, чтобы наконец-то поймать ее, словно дикую лошадь. Впрочем, мы знали, что она небрежно и чуть раздраженно сбросит веревку и царственно продолжит путь туда, куда нам путь заказан, сохраняя место своего пребывания в тайне.

Мы и видели-то ее раза три.

Каждый ожидал ее возвращения, чтобы заговорить, угостить чем-нибудь в баре, подарить ей цветок, улыбнуться с надеждой, но она так и не появилась. Она не показывалась на пляжах, праздниках, званых ужинах, никто так и не сумел к ней приблизиться.

Мысль о ней с самого начала лишила меня сил, и я замкнулся в мрачном, глубоком молчании.

Зато Пеппино ди Капри принялся кудахтать, стенать, угрожать – все впустую, он тоже не был с ней знаком, хотя и утверждал, что первым увидел ее, и вообще он родился на Капри, значит, она принадлежит ему по праву. Так он готовил почву, убирал конкурентов, хотя на самом деле их не было, потому что она нас игнорировала. А ведь всем было известно, что я, Пеппино, Димитрий, Альдо и Патрицио – первые красавцы на острове и можем легко заполнить любую женщину. Любую, кроме нее.

Тем летом Пеппино всем телом, душой и сердцем погрузился в тревогу и суету, он беспрерывно устраивал ужины, встречи, коктейли, концерты, праздники, полуночные купания, костры, дружеские трапезы в шесть утра, он звонил за границу, завязывал разнообразные знакомства – и все ради того, чтобы увидеть нашу Беатриче, а она не выходила в свет, пребывая на недостижимом Олимпе. Казалось, на острове никто не был с ней знаком. Ее недоступность доводила нас до отчаяния. О далекой Беатриче слагали легенды. Только представьте себе, какое безумие охватило моих приятелей: когда Патрицио предположил, что она прилетела с другой планеты, все отнеслись к его догадке серьезно, никто не смеялся, в общем, это казалось более чем вероятным.

Тем временем наступило двадцатое августа, Пеппино уже почти охрип. Она была где-то на острове, периодически ее видели, а после рассказывали нам об этом таким голосом, с такой интонацией, словно она была призраком, – шепотом, как заговорщики, готовые помочь влюбленным. Но мы уже и не знали, кому верить.

Пеппино угрожал броситься со скал Фаральони, если не познакомится с ней (о том, чтобы завоевать ее, речи больше не шло), он мечтал хотя бы узнать, как ее зовут. Да, наш Пеппино ди Капри умерил свои аппетиты. И, клянусь всем святым, он повредился умом. Пеппино обошел всех владельцев продовольственных магазинов на Капри, потому что, как он объяснил, эта женщина должна что-то есть. Но в магазинах ее ни разу не видели.

Патрицио заключил: «Ей не нужна еда, она питается нашими страданиями».

Об этой женщине все время произносили подобные фразы, внезапно все стали поэтами – ни намек на пошлость, на желание, секс, она казалась обительницей рая, куда всякий стремится попасть после смерти.

В ночных заведениях все ходили словно выжившие в авиакатастрофе, ища глазами не нечто съедобное, а безымянную и безвестную каприйскую богиню.

Пеппино, у которого от страсти поехала крыша, принялся исследовать все яхты подряд: он плавал на лодке и пытался проникнуть на все стоявшие в поле зрения суда, уверенный, что она где-то прячется с набобом-миллиардером. От этих ужасных мыслей бедняга покрылся странной сыпью. Но поиски были тщетны, к тому же он окончательно потерял голос: хозяин каждой яхты просил Пеппино спеть хоть три-четыре песни. А он, чтобы не выглядеть идиотом, влюбленным в женщину, с которой он даже не был знаком, пел без остановки, глотал устриц и кое-что еще и, как только выдавался случай, заглядывал во все углы, в каюты моряков и даже в моторное отделение, лелея надежду, что перед ним внезапно материализуется совершенная гармония – спящая, обнаженная, ангелоподобная, на ложе любви. Увы!

Я страдал молча. Порой меня шатало и мотало от горя. Я напоминал уродливый брелок. Толстую, брэнчащую связку ключей, какие таскают сторожа. Невозможность любить заполнила глубины моего сердца, как проникает в глубины моря ныряющий со скалы выпендренник, я избегал широких площадей, где меня могли видеть, в отличие от Пеппино, который, как все понимали, прочесывал остров, желая доказать: на Капри он главный певец о любви. Я же, увидев эту женщину, на самом деле потерял голову и вскоре оставил попытки ее найти, обессилев от страданий, словно каторжник.

А потом этот деревенский плейбой Лилло Де Крешенцо, владелец знаменитого ресторана «Покатая скала», начал распространять мерзкие, грязные сплетни: мол, ее зовут Агата, он с ней познакомился, и она объяснила, что редко где появляется, потому что обожает азартные игры и проводит круглые сутки на виллах у пожилых богатых немцев за игрой в покер, она, дескать, всегда выигрывает и уже заработала миллиард или два.

Разве можно было рассказывать об этом Пеппино? Боже! Для него это было как гром среди ясного неба.

Две ночи подряд он заставлял меня учить его игре в покер. Почувствовав себя готовым, он стал добиваться приглашения в неприступные крепости, какими являлись в то время виллы собиравшихся за зеленым столом снобов-немцев, богатеев и пьяниц. Но немцам было наплевать на то, что на острове все знали Пеппино, они его пение и бесплатно слушать не желали. За зеленые столы чужих не сажали, подозревая, что независимо ни от чего всякий человек, не принадлежащий к их кругу, – шулер. Мажордомы с завидной регулярностью не пускали нашего красавчика на порог. Позже мы поняли, зачем Лилло Де Крешенцо все это устроил. Ему нужно было от нас избавиться, чтобы свободно перемещаться по острову, – теперь и он был занят отчаянными, безумными поисками удивительной женщины. Пеппино все-таки удалось подкупить работавших у немцев мажордомов и служанок, парочку служанок он даже трахнул – все ради того, чтоб вызнать, кто сидит за игральным столом. Божества в человеческом облике не наблюдалось. Пеппино, покрывшийся к этому времени непроходившей сыпью, вернулся в «Покатую скалу» и закатил перед посетителями такую сцену, что всякий сценарист вроде Марио Меролы лопнул бы от зависти: он устроил с Лилло настоящее сражение, по окончании которого Пеппино отправился в медпункт, а оттуда – напрямик к мэру, у которого он выбил официальное постановление о высылке Лилло Де Крешенцо по месту жительства. Вот что случилось. Лилло выгнали с острова. Точно-точно. Стану я нести всякую чушь, чтобы вас рассмешить... Рассказывали, что в порыве безумия Пеппино громогласно угрожал мэру, что, если тот не подпишет проклятое постановление, он, Пеппино, сменит имя, станет Пеппино ди Прочида, а еще он пообещал купить себе на Прочида дом – прямо на пляже Кьяйолелла. Учтите, что в то время Пеппино был на Капри звездой номер один и каждый третий турист приезжал ради того, чтобы увидеть, как Пеппино на пьестетте пьет аперитив и грызет орешки.

Меня все это порядком достало. И тогда я принял решение, которое оказалось удивительно мудрым и дальновидным. Я переехал в гостиницу в Анакапри, где не было светской

жизни: там селились всякие оборванцы, мечтавшие сэкономить, но строившие из себя невесть кого – мол, мы тоже обаятельные и привлекательные. А сами ждали вечера, чтобы, запыхавшись, мчаться на светские мероприятия на центральную площадь Капри в неудобных, якобы модных сандалиях и пиджачках с рынка, щедро украшенных блестками и нашивками. Потом они плелись себе обратно в Анакапри, держась за руки, подбадривая друг друга и строя планы на завтра, – планы эти никогда не сбывались, поэтому в завершение отпуска, стоя на пароме, низко опустив голову и разглядывая пену, наши туристы всякий раз торжественно клялись: «В следующем году поедем в другое место».

Я понял, что у Пеппино с интуицией туговато: он как безумный искал Беатриче, исходя из ошибочной аксиомы, что такие, как она, вращаются в избранном обществе, и даже не подумал об Анакапри. А я неожиданно очутился прямо перед Беатриче – это оказалось так просто и так легко, что, узнай об этом Пеппино, он бы добился для меня постановления не о высылке с Капри, а о высылке с этого света.

Она преспокойно сидела в баре на одной из улочек Анакапри и читала газету, потягивая незамысловатый аперитив. Безмятежная, расслабленная, не ведающая о шумихе, которую подняли Пеппино и все остальные, – это окончательно превратило ее в моих глазах в высшее создание. Я о подобном не мог и мечтать. Сердце бешено колотилось, как испуганный щенок, спрятавшийся где-то во мне и жалобно тывкавший. Я хорошо помню эту минуту. Вечерело. Легкий ветерок нежно ласкал мои легкие, очищая их от дыма сигарет, которыми я травил их до этого дня. Передо мной была она. С тех пор всякий раз, когда заходит солнце и спускается ночь, я жду ответа от себя самого или от кого-то другого. Каждый день. Но ответа не было и нет. Потому что комедию с вопросами можно ломать бесконечно. Зато комедия ответов быстро кончается. Из-за этого несоответствия нервные клетки быстро стареют. Как всем известно.

Она сидела передо мной, и в это мгновение я четко и ясно понял, что мы будем вместе, что я переживу невероятную гамму чувств, неумолимо сменяющих друг друга, как всегда случается в жизни. Потом придет грусть – блаженное состояние, а потом уйдет и она, ведь так положено – грусть станет далекой и недостижимой. Внезапно грусть с тобой попрощается, помахивая слабой детской ручонкой. Чтобы грусть пустила корни, необходим внутренний покой. Тот, который мы теряем на светофоре и в магазине. И тогда ты понимаешь, что действительно пропал. Я, как нелепый клоун, стоял и смотрел на нее. А она не поднимала на меня глаза. Я подумал, это случайность или у нее болит шея – ну не может она посмотреть в мою сторону. Болит, как болела еще у доисторических людей. Она невозмутимо встала из-за столика – чистая, незапятнанная, как праведники, перешла улицу и нырнула в увитую цветами дверь, рядом с которой посверкивал домофон. Вот где проживала сама красота. Словно в этом не было ничего необычного. Хотя в этом и не было ничего необычного. Газету она забрала – дочитать, сидя у окна.

Увидев все это, я почувствовал, как сердце спускается из груди в пятки, чтобы пешком отправиться к ее дому. Но у сердца не было голоса. Оно не могло позвонить в домофон. Сердце такое маленькое. До кнопки не достает.

И тогда я сделал то, что сделал бы всякий мужчина, мечтающий открыть свое сердце даме. Я решил ждать ее в баре желаний, который для нее был баром заслуженного отпуска.

У таких, как я, есть один болезненный, чудовищный недостаток: когда я жду, я ничем другим не занимаюсь. Такие, как я, не отвлекаются. Поэтому я ничего не пил, не глазел по сторонам, не ел, не размышлял – я просто смотрел на увитую цветами дверь, и сердце стучало быстро-быстро. Я просто ждал, когда она выйдет, чувствуя себя как благородная юная дева на балу дебютанток. Я слышал собственный запах, но не осознавал этого и тешил себя мыслью, что ее запах... я твердо знал, что ее запах все сметет, я в этом не сомневался, найдутся точные слова для целого созвездия чувств, которые мужчина испытывает к женщине, ее запах, кото-

рого я не знал и который только воображал, расставит все точки над «і». Я твердо знал: слово «разочарование» – не про нее. А вот мне надо не сплеховать, но в голову ничего не лезло, я словно растворился в ожидании и не остался разочарован.

Она явилась, и в душе разразилась буря. В моей душе. Конечно, мы не были знакомы, но эта встреча была как выстраданная первая глава романа, к написанию которой долго готовишься. Словно прозвучали слова: «Все начинается». Путешествие неизвестно куда, главное – наугад выбрать одну из двух узеньких тропинок: первая – смерть, вторая – жизнь.

Она шла ко мне, как ходила каждый день, не ведая, что шагает навстречу новой судьбе – той, что была и моей судьбой. Мне это было известно, но только дурак сказал бы, что это давало мне преимущество. Когда щупаешь ноющую любовную рану, нет преимуществ, как нет победителей и побежденных. Есть только жизнь и смерть вместе с разлукой. Только они. Все остальное – пустая трата времени, это все ни о чем. Останешься с пустыми руками, а в мире, где мы живем, почему-то считается, что нехорошо оставаться с пустыми руками.

Она села за столик и взглянула на меня. Самое мучительное в таких решающих встречах – считать, что от тебя ничего не зависит. Все мы страдаем от хронической неуверенности в себе, которая разрастается, словно опухоль. Поэтому нам не верится, что все и правда может произойти. Просто не верится. Она смотрела на меня так, будто я единственный на свете мечтаю заключить ее в объятия, словно в мире больше никого нет. А я чувствовал себя как истерзанная ураганом засохшая ветка. Ее нежный, будоражащий взгляд говорил мне, что в мире, похожем на муравейник, в мире, где нас слишком много, я совершенно необходим. В этом взгляде читалось, что она проводит отпуск одна, робкое желание заполнить пустоту, – наивная, ей не приходило в голову, что совсем близко, в бурлящем бесплотном мире Капри, всякий охотно согласился бы ей помочь, рискуя спровоцировать третью мировую войну. Вот только они не догадались, где ее искать, а я догадался.

В этом и заключалось мое преимущество. Преимущество над Пеппино и приятелями, которые теперь казались мне чужими и пресными. Что я в них находил... А ведь всего-то нужно было подняться на холм, метров на двести.

«Не знаю почему, но мне захотелось сесть с вами за один столик».

Фраза! Та самая фраза! Небось вы решили, что ее произнес я, что я заготовил ее, мучаясь в ожидании, но нет... невероятный, неопиcуемый поворот, благодать божья, избавление от неловкости и страданий. Эту фразу произнесла она. Моя красавица.

Не важно, что ты в жизни много чего натворил, может, ты даже прихлопнул собственных деток, но когда такая, как она, произносит подобную фразу, ты чувствуешь себя милым, красивым и добрым, – это не просто приятно, это как если бы на Страшном суде простили все злодеяния, оправдали тебя и сказали: «Сейчас начнется новая жизнь». Вот как я себя чувствовал. То есть должен был чувствовать. На самом деле голова отключилась. Услышав ее слова, я умолк, я не знал, что сказать, – и это я, который всегда умел сострить, отвесить комплимент, рассмешить. Но сейчас я был словно парализован, я превратился в ящерицу, неподвижно замершую на нагретой солнцем белой стене. Я был сам не свой. Растерянный и нелепый клоун. Просто я услышал запах летних каникул. Помните, как пахнет море, как пахнет там, где вы отдыхали? А запах приближающегося дождя в конце лета? Конечно, помните, такое не забывается. Вот что я слышал тогда. Вот какой запах наполнял мои легкие. Запах любви, запах вечной жизни вдвоем. Она бесхитростно смотрела на меня, ожидая, что я отвечу на зов, а мне казалось, что у меня есть сколько угодно времени, потому что время за нас, за влюбленных, время на нашей стороне, я замер от счастья, мне хотелось, чтобы это никогда не кончалось, длилось вечно. В общем, я влюбился, в первый раз всерьез влюбился. Я пропал.

Не мучайте меня этими воспоминаниями – мне и сегодня чудится, что смерть, того и гляди, сожмет мне горло. Память о том, что было, равносильна смерти, но не вспоминать не получается. Я осужден на смерть, а может, давно уже умер.

Когда время торопит, мы раздеваемся. Вот она и разделась. А я от желания слиться с ней словно остолбенел. Желание было настолько острым, что меня прошиб холодный пот, я весь затрясся, меня замотало и закрутило, как бешеный флюгер. Мне бы нюхательных солей или килограмм соды, чтобы вновь твердо встать на землю. Потому что открывшееся моим глазам было чрезмерно для меня одного. Чрезмерно для всех мужчин на земле. Мне повезло, мне улыбнулась судьба, но все же требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли: тело, для которого не найти достойных эпитетов, готово отдаться мне. Лишь постепенно я это принял.

А после был настоящий экстаз.

Мы целыми днями сливались в любовном порыве, уносясь в такие дали, испытывая такую благодать, что об этом еще тысячу лет можно строчить романы.

Беатриче была тренером по легкой атлетике, прыжки в высоту. Не хочу показаться расистом или обидеть кого-то, но я реалист, так вот, скажу вам: можно заниматься любовью с самыми красивыми и привлекательными женщинами, считая, что достиг блаженства, но это все ерунда, ты никогда не поймешь, что такое по-настоящему заниматься любовью, пока не встретишь профессиональную гимнастку. Тут до тебя доходит, что раньше ты вообще ничего не понимал, все близкие телесные контакты, предшествовавшие встрече с королевой спорта, похожи на вежливые поцелуи с кузенами, бабушкой или дедушкой. Любовный танец со звездой атлетики вытесняет всех, кто населял прежде твои мечты, а сам ты охотно падаешь в пропасть неповторимого, полного наслаждения. Это правда. Первые десять дней всякий раз, когда я кончал, я плакал. Не стоило об этом говорить, но я правда плакал. Это же неприлично. Она смеялась над моими слезами, но потом плакала вместе со мной. Слезы радости. Вот что такое настоящая близость. Трогательная и слащавая для всех, кроме исполнителей главных ролей.

Но давайте начистоту! Сколько людей во вселенной переживают подобное? Уверяю: почти никто.

В общем, мне невероятно повезло.

Беатриче с легкостью стирала с меня все наносное – и это с меня, надежно защищенного броней блефа, которого в моей жизни было с лихвой, настроенного саркастически, снобистски презирающего сильные чувства. Когда плачешь перед любимой, назад хода нет. Теперь ты у нее в руках. Навсегда. Ты готов на уступки. Хватит играть, хватит притворяться кем-то другим, хватит быть пустым местом и изображать невесть что. Выкрутасы закончились, любовь превратилась в настоящий, тяжкий крест.

Но все это посланное Богом счастье не могло длиться долго. Она все сделала сама. Мы были по-настоящему влюблены, но даже нам пришлось спуститься вниз по ступенькам на первый этаж, в повседневную жизнь – там, на первом этаже, ночами со мной бывает нелегко, я превращаюсь в противную, надоедливую свинью. Хотя и она поступала неправильно. А я не был готов прощать. Потому что для одного мужчины это было чрезмерно. Она изменила мне, оправдав тем самым бесконечные диски Риккардо Коччанте, который, распевая об измене, завел в разных банках с дюжину счетов, на каждом из которых лежит миллиард. Потом она решила вернуться ко мне, заливаясь слезами, – у этих слез цвет был не такой, как когда мы рыдали вместе, занимаясь любовью в первые дни. Теперь это были слезы поддержки и искупления. Слезы досады. Ну а уж дальше вмещалась гордость – ей тоже хочется играть свою роль, хотя у нее получается скверно. Манерное кривляние, которое принимаешь за правду. Гордость – страшное дело. Невидимая глазу черная завеса, из-за которой не видно, чего ты добился. Хотел зайти в море, а очутился в луже.

В общем, как-то само вышло, что из нашей квартирки под крышей мы стремительно переместились вниз, в мир консьержа – туда, где судачат о том о сем под запах дешевой стряпни. Я вел себя так, как вел, а потом случилось то, что случилось. То, о чем не расскажешь, не заставляйте меня... Мне слишком больно, я беззащитен перед болью, и вообще я такого не заслужил. С тех пор я гадаю, где же моя Беатриче.

«Беатриче, ты где?»

Вот что мне хочется прокричать всем ветрам на свете. И не надо меня больше расспрашивать. Пожалуйста.

О таком не расскажешь, у меня нет для этого слов.

5

*Все мы герои,
когда нам что-то нужно¹⁹.*

ПАТТИ ПРАВО

Он берет и выпаливает мне это прямо в лицо, наш Рино Паппалардо, без лишних предисловий вдруг объявляет, что сын у него родился мертвым. А потом начинает рыдать. Он плачет, а я не плачу.

Мы сидим на дурацком треугольном газоне, неподалеку от машины с распахнутыми дверцами. Мы оба в пальто, трава покрыта инеем, холод такой, что кровь стынет в жилах, бутылка игристого и два наполовину полных бокала – мы собрались выпить.

Слова Рино – словно удар под дых. «За что мы пьем, Рино?» – спрашиваю я, не раскрывая рта. Рино не слышит.

Двадцать минут первого. 31 декабря 1979 года исчезает вдаль, уступая место первому дню 1980 года. Мы сидим у 23-й автострады, в нескольких сотнях метров от съезда. Если быть точными, у дороги А14. Съезд к Сан-Бенедетто-дель-Тронто. До половины двенадцатого мы выступали в одном заведении в Читанова-Марке. А сейчас направляемся в Асколи-Пичено, будем петь на площади. В общем, работаем. Уже двадцать лет мы с ребятами работаем в последний день декабря и всякий раз встречаем Новый год в машине, в перерыве между концертами.

Там, через дорогу, темнеет пиниевая роща, но мне до нее нет дела, потому что моему другу Рино Паппалардо плохо. Угощаю его «Ротманс лайт», он берет сигарету, я подношу зажигалку. А он опять повторяет еле слышно:

– Ты понял, Тони? Он родился мертвым. – Рино уже второй раз говорит мне об этом, пока мы сидим здесь вдвоем, и все громче рыдает. А я не могу оторвать глаз от бокала с игристым, который он держит в руке.

Родился мертвым. Что за дикая фраза. И правда, у каждого своя беда. У всякого, даже самого мелкого противного прыща, своя беда, за которую стоит его уважать. Когда слышишь такое, хочется уважать всех на свете. Хотя и не получается. Потому что в душе непременно найдется уголок, куда проникнет зло, – так пылесос забирается в дальний угол, так наркоманы лезут грабить квартиры: ночами зло проникает в сердце, набрасывается на тебя, мучает, насилует и вычищает дом, оставляя тебя в пустоте, всякий раз в большей пустоте, которая всякий раз наполняется муками совести.

Порой муки совести видно невооруженным глазом – почти каждую ночь они сидят на тумбочке у кровати и не спят, завернутые в черную подарочную упаковку с серебряным бантиком.

Иногда я тоже бываю злым.

– А Рената как? – Боюсь, сейчас я больше ничего внятного сказать не могу.

– Вся на нервах, – отвечает он. Короткий и ясный ответ. Словно мощный и долгий удар кулаком. Я, того и гляди, умру от нежности и сострадания. Они больше всего на свете мечтали о малыше, и надо же... Господи! У меня нет сил. Откуда мне самому их набраться?

Мы долго молчим, сидя в свете автомобильных фар. Потом Рино говорит:

– Теперь понимаешь? Поневоле задумаешься о смысле жизни – о том, зачем все время куда-то несешься, суетишься, мечтаешься, сбиваешься с ног, один или вместе с другими, а ответа

¹⁹ Из песни «E dimmi che non vuoi morire» («И скажи мне, что не хочешь умирать», 1997), автор текста – Васко Росси, автор музыки – Гаэтано Куррери.

нет, прежде чем найдешь ответ, помрешь от старости. Или, как Титта, начнешь размышлять над высказываниями великих. Мне бы тоже так научиться, но только всякие красивые слова не для меня. Так что возвращаемся в исходную точку. Наверное, надо учиться «верить»...

– Да ты чего, – говорю я, – разве у тебя есть время верить? С нашей-то жизнью... Вера – это хобби, занятие для тех, у кого куча свободного времени.

Он не отвечает. Задумался. Больше не плачет. Зябко.

Потом Рино кивает, но видно: он думает о жене. Я это знаю. Чувствую.

– Курить хочешь? – спрашиваю я.

– Я хочу умереть.

Сейчас у него сухие глаза. Он смотрит в пустоту. Он не сдаётся. Пытается найти выход. Нащупать стратегию. Чтобы жить дальше. Не чтобы умереть.

Из темной рощи появляется наш менеджер Дженни Афродите – безмятежный, как крестьянин, обходящий родные поля. Направляется к нам. Слежу за ним взглядом.

– Ты где был? – интересуюсь я.

– Срал, – отвечает он, ехидно улыбаясь, и шагает к машине. Ой, не верю. Наверняка вколол героина, поэтому и спрятался в роще. Рино его даже не замечает, он думает о другом, думает, как ему быть. Мы все уже несколько месяцев подозреваем, что Дженни пристрастился к героину. Но вслух об этом не говорим. Интересно, почему? Все остальное мы обсуждаем с Дженни открыто, без обиняков, – кстати, Дженни из нас всех самый молодой и при этом самый замкнутый и необщительный. В общем, он с нами день и ночь, но о нем никогда не говорят, мы не знаем, чем он занимается, с кем трахается или не трахается... Ничего! Мы все подозреваем, что он подсел на героин, но вопросов, как ни странно, не задаем. Если это правда, если он колется, он гениально научился это скрывать: всегда соображает, всегда на месте, сосредоточен на работе, похож на старательного бухгалтера, да и глаза его не выдают. Он только периодически исчезает, уединяется неизвестно зачем. А мы почему-то проявляем деликатность, почему – сами не знаем, убеждаем себя, что это его дело, его личное дело, его проблемы.

Ладно, проехали.

Титта и Джино, враги не разлей вода, устроились на заднем сиденье автомобиля, как два веселых бельчонка, и собираются праздновать. Наши Чип и Дейл, у которых лбы уже в морщинах, празднуют Новый год, нюхая кокаин, – они это делают только на Новый год, хихикая, как малые дети. Для нашей парочки это нечто невероятное. А меня от них просто тошнит. Кокаин им, разумеется, дарю я. Каждый год приношу подарочек нашим бельчатам. Настоящий лидер должен быть щедрым, вот и я иногда протягиваю им пакетик с порошком, показываю, кто здесь хозяин. Они даже не понимают, что тем самым я их унижаю. Дураки.

Кто-нибудь, оказавшись на средневековой площади в Асколи-Пичено, скажет: «Красиво».

Все мы врем по привычке. Мне на эту площадь плевать. Вся Италия – одна большая деревня. И Средневековье меня порядком достало. Одинаковые площади, одинаковые улочки, одинаковые портики. Тысячи городов, похожих друг на друга как две капли воды. Ходишь по ним и ничего не видишь, только стены домов, гуляешь и страдаешь от клаустрофобии.

А что происходит вокруг, за стенами города? Видимо, ничего.

А еще эти городские музеи, склад всякого хлама, – такая от них тоска берет, хоть вешайся. Мало что ввергает меня в такую тоску, как городские музеи захолустных городков Центральной Италии. А еще я терпеть не могу провинциальных мэров, которые тебе страшно рады, – одинаковые, словно из инкубатора, радеют о славе родного города, а сами в свободное время работают ветеринарами, врачами, директорами мутных банковских филиалов, у них обычно пара малых детишек и галстук не в тон, ну зачем такие живут на свете, скажите?

Только мой город еще сохраняет какой-то смысл, потому что он стоит у бескрайнего моря, у него словно выросли крылья. Кажется, стоит захотеть – в любую минуту сбежишь. Но ты не убегаешь. Хотя чего такого. Там – Африка, там – Греция, а там – Гибралтар, где сто лет как торгуют оружием, наркотой и путанами. Гибралтар – это рай. О нем мало кто знает. Я там бывал по своим делам и все успел разглядеть.

На чем мы остановились? Ах да! Мы в самом бесполезном месте на свете, на площади Асколи-Пичено, куда уже высыпали все жители, разрядившиеся в пух и прах, дешевые пайетки сверкают, что твой фейерверк, наряды-то небось из местного бутика «Сестрица Мария»?

Провинция – как темная комната. Ходишь по ней, ходишь и вечно натыкаешься на одних и тех же людей, которых знаешь с рождения. Наверное, местным здесь нелегко. И даже ужасно. На площади есть дети – не очень много, и все они, если честно, уродцы, просто уродцы и в придачу тупые, носятся как одержимые, матери орут на них, что твои экзорцисты, но этим деткам, в которых вселился бес, поможет только епископ, способный изгнать Сатану, – а кто еще заставляет их бегать и играть, забыв обо всем? В этих детишек из области Марке вселился не просто Сатана, а редкий придурок. Зато мамашки у них ничего, это да, в Марке телки даже очень, не такие сучки и вертефлюхи, как в Венето, здесь они безликие и коварные, про них ничего не известно – не угадаешь, что им взбредет в голову. За сдержанностью наверняка таится жаркая, звериная ненасытность. Вот это уже интересно. Нет ничего хуже пресытившихся мужчин и женщин.

Господи, как меня только сюда занесло! Попасть после Нью-Йорка в Асколи-Пичено – такого свинства я не заслужил, но все уже было давно решено, а меня можно упрекнуть в чем угодно, но только не в непрофессионализме. Я профессионал много лет.

Поэтому мы без особого огонька выступаем на местной провинциальной сцене. Я бы даже не назвал это концертом, это какой-то вялый и неуместный поток более или менее точных нот – и все из-за дебилов Джино и Титты, которые продолжают лыбиться из-за своих инструментов, неужели на них так действует кокаин? Они словно приняли не его, а бразильскую траву, маконью, от которой ржешь да ржешь, пока вконец не устанешь, и видишь прелестные галлюцинации. А у меня сегодня голос вообще ведет себя странно, сначала я пытаюсь это исправить, а потом думаю: «Да какая разница?»

Ладно. Все нормально, пока эта мрачная банда местных слушателей довольна и счастлива. И вообще, как они могут меня критиковать, я им не по зубам. Эхо концерта в «Радиосити-холле» долетело и сюда.

Газеты отдали репортажу по восемь колонок, словно я – Америго Веспуччи.

В общем, они внимательно слушают, а меня внезапно охватывает жуткое одиночество – обдает волна холода, с головы до ног. Внезапно я понимаю. Они смотрят не на меня. Они смотрят представление.

Жду не дождусь, когда это все закончится и мы отправимся ужинать. Я уже договорился встретиться с вокальным дуэтом «Сестры Ре»²⁰ в недурном рыбном ресторане. Королевы вокала тоже здесь, они уже выступили. Мне эти темноволосые амазонки страшно нравятся, у них такая опасная, бандитская красота.

Хорошее настроение должно быть на чем-то основано. А иначе никак.

Ненапряжные, очаровательные женщины, с которыми будет весело, плюс чудотворный коктейль, действующий лучше, чем кристаллы чистого кокаина из Каракаса.

Веселая, соблазнительная Антонелла запихивает мне в рот мидию:

– Ну как?

– Вкусно, но ты вкуснее.

²⁰ Ре – в переводе с итальянского «король».

– Ты в своем духе, – громко говорит она и смеется.

А смеется Антонелла так, что жуть берет, можно подумать, что Паваротти не может найти дома чистые трусы и распекает жену. Смех у нашей Антонеллины такой, что стены трясутся.

Антонеллина мамашка по имени Индия вертела жопой перед всеми, а когда пела, орала так, словно рожает. Пела, пела и в пятнадцать лет взяла и родила Антонеллу. Результат стремительного совокупления за усилителем на концерте в Салерно. Если не знать этого, их можно принять за сестер. Они такие аппетитные и с виду такие безалаберные, что все взгляды мужчин, которые еще на что-то способны, прикованы к ним.

Индия и Дженни сидят на другом конце стола, беседуют с умным видом, строят планы совместной работы. Думают о будущем. Поэтому мы с Антонеллой держимся от них подальше. Нам нравится трепаться и хохотать. Какого черта! Сегодня первое января.

– Антo, давай вместе запишем диск, а потом вместе поедem в турне! Так моя хорошая девочка всегда будет рядом, – говорю я лисьим голосом и хихикаю.

Она смеется в ответ:

– Да что мы можем записать вместе, Тони? Я пою рок.

– А я тогда что пою? Песни для тех, кто в море? – делано возмущаюсь я.

Она хохочет, а потом по-дружески кладет мне руку на бедро. Я беру со своей тарелки кусочек рыбки и запихиваю в рот Антонелле.

– Давай, ням-ням! – прошу я.

Антонелла ржет без остановки, потом достает изо рта рыбку с показным эротизмом и наигранно стонет. А я начинаю по-настоящему возбуждаться. Индия смотрит на нас с другого конца стола и показывает Дженни, чем мы тут занимаемся:

– Нет, ты только погляди на эту парочку! Они рождены друг для друга!

Дженни пожимает плечами и высокомерно улыбается – не знаю почему, но мне приятно.

– Слышала, что сказала мамочка? – говорю я Антонеллине. – Что мы рождены друг для друга. Антонелла, солнышко, выходи за меня. Не пожалеешь. Я весь буду твой, весь-весь, и платить дорого не придется.

– Так ты женат!

– Не напоминай мне об этом, пожалуйста! Только не на Новый год!

Рядом проплывает официант. Я хватаю его за фартук.

– Я не понял, – грозно рычу я, – вы когда принесете оливки по-асколански?

– Извините, мы их не готовим.

– Значит, все не как у людей? – возмущаюсь я. – Так и разориться недолго, чего вы себе думаете?

Антонелла ржет, рискуя обречь нашего соседа по столу на преждевременную глухоту. Другой официант водружает нам на стол одиннадцатую бутылку белого. Я наливаю и собираюсь сказать тост:

– За тебя, Анто, и за твою грудь, которую мы с утра до вечера обсуждаем с ребятами. Благодаря твоей груди наши дни пролетают радостно и незаметно.

Антонелла не смеется, а воеет, у всех уши сворачиваются трубочкой, потом она театрально показывает мне, как поправляет грудь. Я быстро наклоняюсь и целую ее в складку между огромными сиськами – такую глубокую, что там поместится Ниагара. Водопад высотой в сотню метров. Продолжая ржать, мы обнимаемся и одним махом выпиваем сто двадцатый бокал вина за вечер. Теперь я вместе с подружкой Антонеллой словно плаваю в спирте и винограде.

– Тони, тебе пописать не надо?

– Сам только что собирался об этом сказать, – весело объявляю я.

Вы встаем и топаем в туалет. Качаясь, я иду по ресторану, толкая выживших после новогоднего застолья, всех, кто клюнул на отвратительное праздничное меню. Прощения не прошу

– ну их на фиг. Мы с Антонеллой, словно пережившие кораблекрушение испуганные пассажиры, добираемся до туалета. Разумеется, я иду в мужской, она – в женский.

Я уже мою руки в общей раковине, когда выплывает Антонелла – довольная, посвежевшая. Не повернувшись к ней и не вытерев руки, я впервые говорю серьезно:

– Не важно, где мы, Анто, нам будет везде хорошо.

Телеграмма доставлена. Она молчит. Только теперь я оборачиваюсь. Она глядит на меня как-то по-другому, грозно поднимает пальчик и произносит:

– Тони, давай без глупостей.

Опля! Ясно, что если я промедлю, то потеряю право зваться Тони Пагодой, соблазнителем женщин! Я обхватываю Антонеллину – не больно, она даже не сопротивляется. Мы долго целуемся взапас, тем временем мокрыми руками я хватаю ее за сиськи, как голодный дикарь, как дети из третьего мира жадно наворачивают похлебку. Спустя некоторое время она отталкивает меня и повторяет, грозя пальцем:

– Без глупостей, Тони! У меня теперь есть жених.

И прямо так, с мокрым лифом платья, выскакивает из туалета. Но я все равно кое-что успел, теперь можно спокойно вытереть руки.

Я смотрюсь в зеркало с гордостью, готовый преподать первый урок соблазнения.

Первый урок соблазнения

Рим

Обращаюсь к вам – всем тем, кто, как я, никогда не был красавцем. В общем, не к тем, по которым женщины, повстречав их на улице, сразу начинают сохнуть, а к тем, кого они в упор не видят. У вас в запасе одно оружие, зато такое крутое и мощное, что горы сдвинет. Это оружие – слово.

Красавчики и красавцы могут пропустить этот урок, им он не нужен, – говорю без малейшей зависти, да. Только знаете что, красавцы мои, вы стоите на месте, и девы сами к вам липнут, вам и пальцем не надо шевелить, вам все приносят на блюдечке с голубой каемочкой, просто потому, что вы красивые. Ну да, с личиком у вас все в порядке, таланты вам развивать не надо, а знаете, к чему это приведет? Вы остаетесь никем, полной серостью, у вас нет чувства юмора, потому что оно вам ни разу не пригодилось, вы не напрягаете мозг, придумывая, как завоевать свою даму, вы так и остаетесь убогими, лишенными дара слова. Единственный подвиг, на который вас хватает, – напрягшись изо всех сил, изобразить на лице печать. Кривляки... Даже не знаю, чего мне больше хочется, когда я на вас смотрю, – плакать или смеяться. Такие нудные. Ну, что загрузили? Дураки.

Бывают и исключения, должен признать, раз уж я временно переключился на трактаты. Например, мой учитель Миммо Репетто, никогда не почивавший на лаврах своей редкостной красоты и развивший до невероятных масштабов умение очаровывать, соблазнять, выдавать смешные остроты и петь так, что душу захватывает. Миммо много чего пережил, поэтому красота отошла на второй план. Но он такой один.

Вернемся к таким, как мы.

Важно не только умение хорошо говорить.

Возьмите преподавателя университета: эта ходячая энциклопедия умеет произносить речи, небось бормочет даже во сне, не дыша и не нуждаясь в кислородном баллончике, беспрерывно что-то вещает, как футболист, который взял мяч и не отдает, – обычно так ведут себя единственные дети в семье. Однако нередко на второй главе повествования дама, даже если она к нему неровно дышит, начинает умирать то ли от тоски, то ли от скуки. Ноги у нее подергиваются, рвутся бежать – так бывает, когда сидишь в кино, смотришь отстойный фильм, а уйти нельзя. Так вот, дорогие мои умники, в подобные мгновения дам терзает единственная мысль: «Интересно, который час...» Хочется взглянуть на руку, но неудобно. Тогда она косится на ваши часы, но циферблат она видит вверх ногами, понять, который час, нелегко. Знаю, вы там стоите себе благодные и довольные, полагая, что она любит ваши руки, вы уже предчувствуете ласки, мечтаете, что скоро она вам скажет: «У вас такие длинные и тонкие пальцы, такие изящные, умелые, покрытые нежным пушком руки...» Вы ждете, что сейчас она похвалит ваши руки, а она, раздраженная и измученная вашим неспешным и высокопарным рассказом, вашим голосом – то как у пещерного человека, то как у гомика, – в общем, растратив последние силы, она набирается смелости и спрашивает: «Ты не скажешь, который час?»

Вот что она спросит. Вы это никогда не признаете, потому что вы, конечно, умники, однако в душе тряпки и бабы. Но что поделаешь...

К чему я это все говорю? К тому, что нас не интересуют красавчики и второразрядные мыслители. Что остается нам, простым смертным? Немного умения и немного удачи.

Скажу для начала, что лучше нести несусветную чушь, чем пережевывать то, что и без вас всем известно. О том, что известно всем, говорить не стоит. Это вроде бы очевидно, но увы: когда женщина нам нравится, нас распирает от чувств, а когда нас распирает от чувств, мозг тормозит и выдает одни штампы. Чем больше вы сыплете штампами, тем скорее вас сочтут дураком, чем больше вы тушуетесь, тем быстрее впадаете в тоску, чем настойчивее вы клеитесь, тем меньше шансов на победу, тем убедительнее вы доказываете, хотя это неправда, что вам на роду написано быть одному. Нет! Если вас несет в эту степь, остановитесь. Не время ослаблять хватку. Надо потрудиться, приложить силы. Попотеть, как рабы на галерах. Мы должны быть из каучука. Гибкие-прегибкие. И упорные, как все, кто в этой жизни терпел поражение.

Только красавчик может позволить себе сказать: «Какой симпатичный ресторанчик».

Вам полагается произнести: «Это заведение подходит бродягам. Не зря я его выбрал».

«В каком смысле?» – спросит она удивленно.

Пусть удивляется. Хуже, если она решит, что не поняла: ей будет неприятно думать, что она чего-то не понимает, и она заключит, что вы несете полную ерунду.

«В смысле, что мы с тобой свободны, как бродяги. Хотя у меня, слава богу, есть не только повозка, но и настоящий дом».

Это надо сказать потише, без претензий на звание юморист года. Она слегка обалдеет, не найдется с ответом, а значит, у нее появится цель – сообразить, что сказать. Вероятно, она улыбнется. А вам надо сразу же, молниеносно сменить тон. Секрет в том, чтобы не давать ей возможности долго думать. Мы же с вами не красавчики: если она задумается, то быстренько придет к выводу, что ей с вами не по пути.

Обычно дама выходит из дома с убеждением, что между вами ничего не случится, даже если вы изначально ей нравитесь. Она уверена, что ничегошеньки не произойдет. Придется вам в одиночку пробивать стену, убеждать ее отказаться от принятого якобы окончательного решения. Я склоняюсь к мнению, что в любовных делах женщины проявляют природную лень. У них в головах постоянно звучит императив: «Нет, мне не хочется, не сейчас, спасибо, нет». Заботливые мамашки натренировали их, как спортсменов-олимпийцев, и научили всегда находить отмазку. Вконец запудрили мозги бедным девочкам из ненависти к нам, незнакомым мужчинам, отважным охотникам за бурным сексом.

Вначале они всегда говорят «нет». «Нет», которое превратится в чистое и звонкое «да», звучащее из полуоткрытого ротика, обладательница которого будет ловить каждое ваше слово. При условии, что вы меня дослушаете до конца.

Потому что нам предстоит одержать победу над мамашами. А это совсем не легко. Мамаша вечно маячат на горизонте и мешают жить, пока живы их дочери. Нужно преодолеть влияние этих якобы не заинтересованных женщин, сдвинуть эти тяжеленные глыбы. Всякий раз помогаешь дочкам взглянуть на жизнь иначе, расширить горизонты. Показать им мир, словно мы его придумали сами. Двигатель соблазнения – блеф. Но блеф должен быть правдоподобным. Никаких суперроботов и героев «Марвел».

Не оставляйте ей времени на размышления. Бейте в цель. Используйте иронию, чтобы добиться своего. Если иронии у вас нет, это не значит, что все потеряно. Только, ради бога, никаких анекдотов. И не надо изображать шутов, если вы никогда не смешили людей. Отвесьте половину ударов, а потом дайте ей передышку, помолчите, дайте ей время решить, что вы очень даже ничего, пусть обдумает то, что вы ей наговорили, – вы можете пока что исчезнуть, например сходить в туалет, пусть она спокойно подумает. Но в туалет можно идти, только если у вас получилось выдать убойную остроту или сказать нечто действительно смешное. Выше я говорил, что, если у вас туго с иронией, не все потеряно. Есть простой способ восполнить ее отсутствие – это ритм разговора, ритм должен быть напряженным, наэлектризованным, взволнованным – только не переборщите, иначе разговор окажется нервным, непредсказуемым, потеряет

смысл. У нее разболится голова и останется единственное желание – превратить вас в таблетку нурофена. Но вы же не иллюзионист вроде Тони Бинарелло, вряд ли вы умеете превращаться в нурофен. Говорите о чем угодно, перескакивайте с одного на другое, выдавайте не больше десятка фраз о всяком событии, о всякой ерунде. Не больше десятка, если только вы не затронули ее любимую тему. Кстати, больше десятка остроумных фраз вам и не выдать, если только вы не гений. А вы точно не гений.

Значит, ритм. В нашей жизни все чувства связаны с этим секретом: нащупать ритм. Потому что, если двигаться слишком медленно или слишком спешить, любви может и не случиться.

Если вы тряндите, как заезженная пластинка, сидите лучше дома. Или вы окажетесь в полете, или вам достанется буйная психопатка, которой пора в больницу, к тому же в общую палату, отдельную палату она себе позволить не может, потому что серьезных денег не заработала.

Чем медленнее вы говорите, тем быстрее она примкнет к многочисленной группе людей, которые больше не желают вас видеть.

А если вы попытаетесь зайти издали с фразами вроде «Знаешь, я думаю...» или «По моему, в наше время...», можете сразу доставать белый платочек и махать им своей милой, пока та уплывает на корабле вместе со всеми остальными, оставив на берегу вас и еще пару безнадежных глупцов.

Соблазнять женщину – все равно что сочинять красивую песню, главное – музыкальное мастерство и ритм, мастерство и ритм. Талант быть ироничным – запасная стрела, которой у вас в колчане может и не быть. В этом случае спасает ритм. Напряженная дробь, которую обычно создают прилагательные. Неожиданные и убедительные, избыточные или точные. Еще лучше, если вы знаете ученые, редко употребляющиеся слова, – больше шансов произвести впечатление. Женщин соблазняют не комплиментами, не цветами и не томными взглядами. Редкие слова – как дорогие конфеты в подарочном наборе. Все о них знают, мечтают их попробовать, но не покупают.

Прилагательные соблазняют, существительные наводят скуку. Вот в чем важный секрет. Не скупитесь на прилагательные, выдавайте их в твердом ритме, и вы увидите, что уложите в постель любую, кроме разве что полной идиотки, которая вообще ничего не понимает. Но с такой и пытаться не стоит. Всегда выбирайте умных женщин. Потому что секс, если честно, не очень важен. Поверьте мне, а у меня за всю жизнь не было осечек. Соблазнять – это здорово. А идиоток оставьте идиотам. Вы не красавцы, поэтому вы заведомо не идиоты.

В общем, повторим главное: ритм должен быть напряженным, наэлектризованным, не сбивчивым, не медленным, как в дурацких документальных фильмах о животных, которые шляются где-то по тундре или по степи.

Замедлить ритм разрешено в одном случае: когда вы говорите заветные слова, когда звучит финальный аккорд, когда вы наносите последний, победный удар, когда вы говорите ей, что вы ее любите, желаете, она вам ужасно нравится, вы хотите с ней переспать. Что касается заветных слов, у нас нет волшебного заклинания, придется самому придумывать нужную фразу в зависимости от того, кто перед вами, главное – говорить ясно и убедительно... Можно беседовать о лучших сортах моцареллы, а потом... раз... два... три... сбавляем темп, бросаем выразительный взгляд, понижаем голос и выдаем: «Знаешь, ты мне так нравишься...» А дальше – надеемся, что все было не зря.

Вряд ли стоит подчеркивать, что, если перед вами сидит редкая шлюха, не стоит ей подпевать, выдавая фразочки типа «сейчас я тебя трахну». Так поступают только безнадежные болваны. Сидящая перед вами женщина – как натянутая резинка, надавишь – лопнет. Ваша задача – снизить напряжение. Так что всякой записной шлюхе выдавайте: «Я тебя люблю». Если перед вами романтическая девица из позапрошлого века, можно сказать нечто вроде: «Я

привяжу тебя к спинке кровати, и ты никуда не сбежишь... Сама понимаешь, кровать у меня литая, железная».

Зачем я все это говорю? Она спускается по лестнице, шагает в противном неоновом свете к двери подъезда, открывает ее, идет вам навстречу, пытаюсь выдать себя за другую. На самом деле она полная противоположность того, что мы видим. Хоть уравнение составляй. Все четко, как в математике. Да-да. Когда речь идет о разных полах, это так.

На ней платье в цветочек? Будьте уверены: она спит и видит, как вы схватите ее за волосы и шмякнете головой о стенку семь-восемь раз.

Она вымазала на себя килограмм алой помады – так, что рот превратился в кружочек, как у Джотто? Ложитесь сразу в разных концах кровати: чтобы уломать ее на минет, вам придется стоять часами на полу, где рассыпан горох, вспоминая ужасы инквизиции.

Бывает, все идет иначе, непредсказуемо, но это редко, возможно, вам просто попалась девушка высшего типа. Может, это вообще она, та самая. Тогда надо менять регистр. Можно обрабатывать ее много дней, а потом жениться и настрогать детей. Но знайте: по прошествии времени вам станет скверно. Совсем скверно. Это я вам гарантирую.

И еще одно правило: если у вас неплохая работа, типа в мире искусства, если вы, ну, не знаю, поете, как я, вы актер, художник, музыкант, упомяните об этом на первой же встрече, но только не вдавайтесь в подробности. Пусть она истомится. Блистайте, выбирая другие темы, и тогда она решит (приведу дурацкий пример): «Господи, если он лучше всех знает, как запекать баклажаны с пармезаном, сколько он может всего рассказать о своем последнем спектакле... О том, который я видела, где он играл Гамлета, всю роль выучил наизусть... да-да... надо непременно его расспросить, как учат наизусть длинные тексты».

Если она будет занята подобными мыслями, все пройдет как по маслу. Раз – и готово!

Ну что, урок number one закончен. Ну, не расстраивайтесь, вы тоже научитесь соблазнять, чего приуныли? Веселей, улыбнитесь, хотя я наперед знаю: от ваших улыбок мало толку.

А теперь идите.

И соблазняйте!

* * *

На чем я остановился? На том, что Антонелла вернулась и села за стол, скрестив руки на груди, – так никто не заметит, что я намочил ей платье в порыве любви. Вроде на этом месте, да.

Тут к ней подплывает крокодил. То есть я.

Никак не оставит ее в покое.

– Прости, Анто, я не знал, что у тебя есть жених.

Я изображаю понимание, не выдаю своих намерений, хочу выглядеть в ее глазах как папа на престоле в соборе Святого Петра. Антонелла немного напряжена. Она целовалась со мной взасос, а теперь чувствует себя виноватой, вина – тяжелый грузовик, который гоняет по автостраде, ослепляя всех противотуманными фарами.

– Слушай, Тони, ты мне тоже нравишься, но давай не будем, ладно?

Сразу скажу: это не поражение. У нее жалобный вид. Я киваю с расстроенной физиономией, но при этом играю убедительнее, чем Бельмондо в самых удачных фильмах. Глотаю вина, чтобы она почувствовала себя еще хуже, сижу с видом человека, который смирился с печальным известием, но который не скрывает, что новый год начался грустно, и это плохо. Я попал в цель: теперь Антонелла уставилась на меня. Заметно, что ей неловко. В моих глазах тоска.

Ну и что мы теперь будем делать? Какой-нибудь дурак решит: чтобы добиться своего, я буду продолжать в том же духе, буду сидеть и дуться, чтобы она почувствовала себя вкопец виноватой и уступила. Грубейшая, непростительная ошибка. У женщин есть такая особенность: у них чувство вины проходит быстро, за считанные минуты, и сразу сменяется раздраже-

нием или равнодушием. Если вы сидите и дуетесь, а потом все же решаете пойти в атаку, будьте уверены: она про вас и думать забыла, вы уже где-то в далеком и малоприятном прошлом.

Гениальный ход, которым я систематически пользуюсь, – сделать вид, что тебе наплевать. Поэтому я опять принимаюсь болтать, как Майк Бонджорно, острить, как Джан²¹. И даже удачнее. Антонелла опять громко хохочет, ржет, никого не стыдясь. Хохот у нее наполеоновских масштабов.

Я поворачиваюсь к Индии, которая по-прежнему о чем-то щебечет с Дженни, и выкрикиваю с решительным видом:

– Индия – ты воплощение Азии.

После такой меткой остроты Антонелла опять ржет как лошадь. Индия и Дженни не обращают на меня внимания, но я не в обиде. Зато подобной площадной шуткой я оживил веселую атмосферу, помогающую добиваться главной цели: провести ночь с Антонеллой.

Так что мы с Антонеллиной заводим пластинку по новой, нам по новой приносят холодного белого вина, после рыбки угощают кальмарами – комплимент от шефа, а Индия и Дженни все сидят и шепчутся, будто читают молитвы.

– Рыбка здесь и правда вкусная, – говорит рокерша. – Почему? – удивленно спрашивает она знатока рыбной кухни, то есть меня.

– Анто, мы же не на горнолыжном курорте в Роккаразо, море здесь в двух шагах, – объясняю я.

Мы скоро лопнем, но не сдаемся и, радуясь собственной решимости, храбро заказываем порцию мидий с черным перцем. Шеф не знает, как их готовят. Господи Иисусе! Я бы мог отказаться платить по счету, а пока что прошу официанта привести повара пред мои светлые очи. Испепеляю его взглядом. Шефу определенно стыдно, что он не знает рецепта, у него такой вид, будто он собрался на гильотину. Тонем опытного преподавателя я медленно и подробно объясняю, как готовят мидии. Озадаченный шеф удаляется на кухню, для него это черный день. И он, и я хорошо это понимаем. Антонелла следит за сценой, храня сосредоточенное, тихое молчание. В эти мгновения она чувствует себя подружкой босса.

Босс – это я.

Когда все створки мидий нежно раскрываются – сначала на сковороде у шефа, потом перед губами у нас с Антонеллой, – мы решаем заказать десерт. У меня больше нет сил сидеть за столом, кажется, я торчу здесь всю жизнь. Мне словно десять лет, когда долго сидеть за столом было пыткой: я или начинал хныкать и засыпал, или принимался бегать по ресторану.

В детстве я был красивым. И мама моя была красавицей. И в детстве, и в юности.

Ближе к завершению застолья я ускоряюсь. Дженни платит за всех четверых. Уже пять утра. Мы выходим на холод и на мгновение умолкаем, превращаемся в темные фигуры. Но потом я рассказываю Антонелле, как пел в Лондоне под открытым небом. Лило как из ведра, а я был в сандалиях. Дженни и Индия тоже смеются. Мы вышли из ресторана на холод, и нам не хочется расставаться. Все как обычно, и это здорово. Ищем глазами бар, чтобы пропустить последнюю рюмашку, но в Асколи-Пичено даже в праздничный день царят сон и темень. Решаем заглянуть в бар в гостинице. Он тоже закрыт. Как быть? Индия и Дженни говорят, что еще посидят в холле и поболтают. Антонеллина хочет подняться к себе. Я, разумеется, другого и не ожидал, бросаюсь за ней, рассыпаясь в пожеланиях доброй ночи и крепких снов Дженни и Индии.

Мы поднимаемся по лестнице, тишина. Пора действовать. Я долго вспахивал это поле, настал час собирать урожай. Антонелла топает впереди, я за ней. Думаем мы об одном и том же. Я сопровождаю ее пышное тело до двери номера.

²¹ Майк Бонджорно (1924–2009) – звезда итальянского телевидения, ведущий развлекательных программ. «Джан» Фабио Боско (1936–2010) – итальянский комик и актер.

И без предисловий, которые сейчас и ни к чему, серьезно заявляю:

– Анто, я хочу зайти.

– Тони, правда не надо.

– Анто, я хочу зайти, и ты наверняка тоже этого хочешь.

– Дело не в этом.

– Сегодня первое января. Праздник, Анто.

– Дело не в этом, – отвечает она тем же тоном.

– А в чем?

– Тони, у меня месячные.

– Я только положу голову тебе на грудь, Анто. – Я не вру. Она пристально смотрит на меня с непритворной печалью.

– Нет, Тони, мне надоели бессмысленные поступки.

– Если ты задумалась о смысле, Анто, значит, ты стареешь.

– Я всегда была старой, Тони. – Она говорит это так серьезно и так прочувствованно, что мне становится страшно, она как будто всю жизнь готовилась произнести эту фразу. Я окончательно обезоружен.

Я нежно глажу ее спутанные волосы, впитавшие ресторанные запахи. А потом выдавливаю из себя:

– С Новым годом, Антонелла!

– Спокойной ночи, Тони!

Она запирает дверь изнутри.

Я только мечтал положить голову ей на грудь. Мне так этого хотелось.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Передо мной гостиничный коридор. Хмель прошел. На полу ковер. Синий ковер. Вдоль стен расставлены стулья. Еще здесь много зеркал и много дверей. Делаю несколько шагов к своему номеру. Останавливаюсь. И начинаю плакать. Не просто плакать – рыдать. Громкие всхлипы, слезы текут ручьем. Я думаю, что мама в юности была очень красивая, что я хочу вернуть Беатриче, думаю о своем приятеле Рино Паппалардо, у которого умер сын, – сил думать обо всем не хватает, но я стараюсь, сам себя растравливаю, я стою и рыдаю посреди незнакомого коридора, слезы текут все сильнее, я больше собой не владею, я плачу, плачу и не могу остановиться, и уже ни о чем не думаю, мне и стараться-то больше не надо, слезы льются сами, сквозь слезы я вижу Индию и Дженни, они где-то рядом, потом отступают и глядят на меня, они почти не удивлены, а я все стою и плачу, они как будто не верят своим глазам, а я рыдаю так, что скоро разбужу всю гостиницу, Индия и Дженни глядят на меня и ничего не делают, не приближаются, словно они и так знали, давно знали, что рано или поздно я в отчаянье разревусь, поэтому они совсем не удивлены, какое-то время они глядят на меня, а потом заходят вдвоем в номер к Индии, я все вижу, я знаю, что сейчас они говорят обо мне и о том, что я плачу, стоя один в пустом коридоре, совсем скоро они займутся любовью, а ведь пока я ухаживал за Антонеллой, я уже плакал в душе, плакал всем сердцем, пока они там тихо шептались и наверняка влюблялись друг в друга, сейчас они крепко обнимутся, как сказано в одной замечательной песне, а потом, на следующий день, будут фотографироваться, получатся чудные снимки, на которых они, обнявшись, стоят на лужайке или у памятника, они их будут рассматривать и смеяться, а одну фотографию вставят в рамку, а я все стою в коридоре и плачу и мечтаю, чтобы это никогда не кончалось, потому что сейчас я, наверное, – я говорю «наверное», потому что не знаю наверняка, – наверное, я живу настоящей жизнью.

Поверьте, я и сам бы рад сказать точно, но трудно быть точным, когда на глазах слезы.

6

*Я дома одна,
вокруг тишина.
У меня нет друзей²².*
ЛОРЕДАНА БЕРТЕ

Пятнадцать лет назад мы с женой трахались как кролики.

Теперь жена превратилась в предмет обстановки.

У меня дома есть белый рояль, люстры, черные кожаные диваны, хрустальные столы и столики, фарфор Каподимонте, который я обожаю, а еще есть жена. Ненужная безделушка.

Иногда жена принимается стенать:

– Тони, тебе не кажется, что пора что-нибудь выбросить? Не кажется, что у нас слишком много вещей?

– Да, милая, – говорю я, – пора выбросить тебя.

И сразу расплываюсь в улыбке, так что она это спокойно проглатывает, думает, я шучу, хотя дураку понятно, что это не шутка.

Единственная разница между моей женой и моим белым «Стейнвеем» 1969 года в том, что жена ходит, а рояль нет. Она разговаривает, а рояль нет, иногда она меня пилит, но чаще тихо жалуется себе под нос, словно у нее что-то болит, бродит по дому и ворчит, что, дескать, сама во всем виновата, от нее за километр пахнет нервным истощением и депрессией.

Не женщина, а ходячий упрек. Зачем мне такая? Сама взвалила на себя свой крест, никто ее не просил.

Когда мы с ней познакомились, она мне понравилась тем, что держала рот на замке. В постели делала все, что я велел, с ней покорностью, которая меня возбуждала. До этого я ни с кем так не кончал. Я думал, что это поможет мне забыть Беатриче. Поэтому я и женился. Но когда жена открыла рот, все пошло наперекосяк. Когда она стала выдвигать абсурдные претензии, требуя, чтобы я с ней общался, вел диалог. Я могу весело болтать с кем угодно, хоть с неаполитанским мастифом или с нытиком Фредом Бонгусто, но сами попробуйте поболтать с моей женой, и вы увидите, что у вас буквально опустятся руки. Просто чувствуешь: руки безвольно опускаются. Слабеешь и тяжелеешь, поболтаешь немного с моей Марией – и беги к хорошему ортопеду. Попробуйте сами, а потом мне расскажете. Еще бы неплохо глубокий массаж, но она и его не умеет делать. Говорит она медленно, занудно, без выражения, словно гипнотизируя. Словами не описать, это нужно пережить самому – в общем, на мою долю выпало еще и это несчастье. Разговаривать с моей женой – все равно что сдавать анализ крови: боишься, переживаешь, а после чувствуешь опустошение, тошноту, ведь ты не позавтракал, мчишься в бар, но в теле все равно что-то не так, и даже у кофе вкус какой-то другой. Новый, непривычный.

Сходите с моей женой в ресторан, правда сходите, вы будете есть, а она говорить – вот увидите, еда покажется вам безвкусной. Сама она готовит отвратительно, причем вроде старается, пытается что-то придумать, но почему-то обожает овощной суп, омлет, диетический рис, белое мясо и треску – от таких деликатесов копыта отбросишь, моя жена отвернулась от жизни. Так что пришлось мне набраться смелости, закатать рукава и принять решение не пускать ее больше в кухню. Теперь туда захожу только я, на кухне царит настоящий рыбный карнавал: килька жарится, осьминог весело тушится, сибас ликует, окунь красуется, кальмары блаженствуют во всех соусах, приготовленные на всякий лад, на правильный лад, – в общем, я стараюсь украсить нашу семейную жизнь, а жене все равно. Я готовлю эти шедевры, сияя

²² «Amici non ne ho» («У меня нет друзей», 1994), автор текста – Лоредана Берте, автор музыки – Филипп Леон.

от счастья, а она давно потонула в океане равнодушия, только нервно поглядывает, что я там испачкал на кухне, – дескать, ей убирать. Она утверждает, что я развожу страшную грязь. И не догадывается, что она мне всю жизнь запачкала. Окончательно и бесповоротно. В браке всегда так, все разрушается: со временем замечаешь одни мелочи и забываешь о том, как здорово было вначале. Возможно, потому что не так уж все было здорово.

Жена вечно строит из себя невесть что, держится чванливо, как разорившаяся графиня, хотя ничего особенного собой не представляет. Это несоответствие, с которым я постоянно сталкиваюсь, меня просто достало. Изнурило, высосало последние соки. Когда от людей нет толку, от них устаешь.

В общем, несколько дней назад я вернулся из дыры под названием Асколи-Пичено и опять очутился в семейном гнездышке, где так и тянет устроить кровавую резню. Только не думайте, что я сразу завожусь, – я уже привык, обычное дело. К тому же с работой все в порядке, я вернулся в хорошем настроении, успех крутится вокруг меня, как хулахуп, он словно приклеился к бедрам – чувствую себя как техасская мажоретка, сияющая, с улыбкой до ушей, как наполненный счастьем купол, как огромный неф собора, ведущий прямым к алтарю, где царит ликование. Скоро начнется большое турне, и я буду еще реже бывать дома, где все опротивело.

Ведьма Бефана уже пролетала, да только забыла посадить меня к себе на метлу и унести далеко-далеко.

Знаю, вы не поверите, но однажды неподалеку от Курмайёра я познакомился с сорокапятилетним тренером по лыжам, который твердо верил в существование Деда Мороза и Бефаны. Возражения не принимались. Родители забыли ему все объяснить. А то, что он узнал позже, из сторонних источников, не помогло. Он доверял только папе и маме. Впрочем, как и все мы. А они, видать, поленились рассказать ему правду. До чего же мне нравятся ленивые родители, которым на педагогику наплевать.

Не пытаться быть идеальными – порой это так трогательно.

Вернувшись домой, чтобы не наткнуться на эту ядовитую змею Марию, я спрятался в спальне. Дочка у тети, что вовсе не плохо: тишина в нашем доме – редкий и драгоценный гость, потому что из каких-то своих соображений жена круглосуточно стирает в машине белье.

У нас дома, неизвестно зачем, порядок поддерживают как в гостинице.

В общем, только я устроился над мраморной столешницей комода и собрался вынюхать шесть длинных дорожек кокаина, как вдруг жена, соревнуясь с Паоло Росси²³ в умении неожиданно возникать перед воротами противника, заявила в спальню, даже не постучав в дверь. Обычно она стучит, раз на этот раз не постучала, значит, сердится, даю руку на отсечение, сейчас она безо всяких вступлений вывалит целую гору претензий. Застать меня, когда я нюхаю, – для нее это вполне нормально. Она смирилась и даже не вякает, иначе я бы давно отправил ее куда подальше. Значит, заходит она и замирает у дверей, прямо как гвардеец перед Букингемским дворцом. Стоит, не шелохнется. Смотрит на меня, но рот держит на замке.

– Тебе чего? – спрашиваю я, запыхавшись, поскольку припудриваюсь уже в четвертый раз.

Жена молчит. Жить не хочется, когда она берет театральную паузу, чтобы привлечь внимание к очередной высосанной из пальца проблеме.

– Ну чего? – повторяю я раздраженно.

Снимаю брюки с защипами и вешаю в шкаф. Изящно поправляю трусы, и тут она наконец-то решает заговорить, хотя ей было лучше родиться немой:

– Тони, мне нужно тебе кое-что сказать.

– Валяй! – Я начинаю сердиться.

²³ Паоло Росси (1956–2020) – итальянский футболист, нападающий сборной Италии в 1978–1986 гг.

– Я хочу развестись, – объявляет она.

В комнате пахнет ссорой. Молчу я всего секунду. А потом, если вы думаете, что Антонелла очень громко смеется, видели бы вы меня в эту минуту. Я обрушиваю на жену бурю веселья, из-за нелепой ситуации у меня из глаз текут слезы, потом я натягиваю пижамные штаны, хватаю тапку и запускаю в жену. Она уворачивается с униженным видом. Я хохочу еще громче.

Она опять твердит как дурочка:

– Тони, я не шучу.

Я настолько утомился и изнемог от хохота, что не могу ей ответить: все, что говорит эта женщина, бессмысленно и смешно. Ограничиваюсь тем, что беру вторую тапку и с еще большей силой швыряю в жену. На этот раз попадаю ей прямо в грудь. Вижу, как у нее появляются слезы – такие тяжелые, такие огромные, что, кажется, они прилипли к глазам, не скатываются, они не могут оторваться и покатиться вниз, по щекам. Застыли как вкопанные. Словно упрямые ослы.

Жена мне нужна, хотя зачем – даже не знаю. Наверное, затем, что, когда я вхожу в пустую квартиру, на меня нападает грусть, плющом обвивается вокруг тела.

Так бывает, когда заходишь в гостиничный номер. Вроде все вокруг новое, ты рад оказаться на новом месте, но по-настоящему не отдыхаешь. Заходишь в номер, и сразу отчего-то охватывает тревога – неясная, мутная, словно подземные воды. Это как солитер. Ты его не видишь, а он есть.

В общем, эта дурочка предлагает мне развестись. Развод – занятие для бездельников, а у меня нет лишнего времени. Если хочешь взбодриться, к чему звать адвокатов, строчить документы... Можно и без этого обойтись, я-то всегда обходился. Не привлекая внимания. Ради дешевой свободы. Моей свободы. Свободы врать, изменять, строить козни, воровать жизнь у других так, чтобы те ничего не заметили. Честность создает много проблем, не верьте показным моралистам, которые бранят хитрецов. Всего знать нельзя. Большинство представлений мы получаем в наследство от других, и все эти представления ложные. Чтобы быть хитрым, надо быть умным. Хитрость – тоже искусство. Я сам к каким только хитростям не прибегал. А Мария решила, что благодаря закону сумеет от меня избавиться. Откуда ей набраться ума... Обычно так поступают безвольные слабаки. Сильные люди творят все, что вздумается, не создавая другим беспокойства. Вот почему я смеюсь и не могу остановиться. Жена и ее разговор о разводе – это невероятно смешно. За ее просьбой скрыто желание идти в ногу со временем, это было бы мило, если бы развод не означал кучу неудобств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.